

Писатель, который произвел на меня
самое сильное впечатление.

Стивен Кинг

Ричард Матесон

КУДА ПРИВОДЯТ МЕЧТЫ

Ричард Матесон, несомненно,
достоин нашего внимания
и нашей симпатии.

Рэй Брэдбери

Азбука-бестселлер

Ричард Матесон

Куда приводят мечты

«Азбука-Аттикус»

1978

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Матесон Р.

Куда приводят мечты / Р. Матесон — «Азбука-Аттикус»,
1978 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-11721-1

Представьте себе, что вы умерли! Но, как выясняется, жизнь продолжается и за порогом смерти. Более того, впереди ждет бесконечное странствие по неизведанным мирам и вселенным. Именно в такое путешествие суждено отправиться Крису Нильсену, чтобы спастись от отчаяния и вновь обрести надежду и любовь. Сразу же после публикации роман Р. Матесона стал бестселлером и вызвал бурные дискуссии не только в литературных кругах, но и среди ученых. Названный едва ли не основополагающим произведением о жизни после смерти, он лег в основу одного из самых красивых фильмов Голливуда, главную роль в котором исполнил Робин Уильямс. Фантастическая мелодрама, поставленная Винсентом Уордом, с триумфом демонстрировалась во многих странах мира и была удостоена премии «Оскар».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-11721-1

© Матесон Р., 1978
© Азбука-Аттикус, 1978

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Смертный сон	9
Наплыв мелькающих образов	9
Видеть сон о сне	12
Бесконечный страшный сон	16
Знать, что я все еще существую!	21
Мое присутствие не имеет силы	26
Существует что-то еще	32
Страна вечного лета	38
Продолжение на другом уровне	38
На пороге дома Альберта	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ричард Матесон

Куда приводят мечты

*Моей жене, сердечным участием скрашивающей мое
существование, с признательностью и любовью*

От автора

Предисловие к роману – почти без исключений – вещь ненужная. Это моя десятая опубликованная книга, и мне ни разу не пришло в голову писать предисловия.

Однако этот роман, как мне кажется, требует некоего введения. Поскольку его темой является жизнь после смерти, очень важно, чтобы перед прочтением читатель осознал следующее: лишь один аспект этой истории вымышленный – персонажи и их взаимоотношения.

За редким исключением, все детали взяты из научных исследований.

*Ричард Матесон
Калабасас, Калифорния,
август 1977 г.*

*Умереть, уснуть. – Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум, –
Вот что сбивает нас...*

*Гамлет, акт III, сцена 1
(перевод М. Лозинского)*

Предисловие

Рукопись, которую вам сейчас предстоит прочитать, попала ко мне следующим образом. Вечером семнадцатого февраля 1976 года в дверь нашей квартиры позвонили, и жена пошла открывать. Через пару минут она вернулась в спальню, где мы смотрели телевизор, и сказала, что меня спрашивает какая-то женщина.

Я встал и пошел в прихожую. Дверь была открыта. Я увидел стоящую на пороге высокую женщину лет пятидесяти с большим, пухлым конвертом в руках.

– Вы Роберт Нильсен? – спросила она.

Я ответил утвердительно, и она протянула мне конверт со словами:

– Тогда это вам.

Я с подозрением взглянул на конверт и спросил, что это такое.

– Сообщение от вашего брата, – ответила она.

Мои подозрения усилились.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Ваш брат Крис надиктовал мне эту рукопись, – объяснила она.

Ее слова меня разозлили.

– Не знаю, кто вы такая, – сказал я ей, – но имей вы хоть какую-то информацию о моем брате, вы бы знали, что он умер больше года тому назад.

Женщина вздохнула.

– Я это знаю, мистер Нильсен, – устало произнесла она. – Я – медиум. Ваш брат передал мне этот материал из...

Она замолчала, а я тем временем начал закрывать дверь.

Тут она быстро прибавила:

– Мистер Нильсен, прошу вас.

В ее голосе звучала такая неподдельная мольба, что я взглянул на нее с удивлением.

– В течение полугода я неотрывно трудилась над расшифровкой этой рукописи, – сказала она. – Не по собственной воле. У меня уйма других дел, но ваш брат не хотел оставить меня в покое, пока я не запишу каждое слово его послания и не пообещаю, что обязательно доставлю его вам. – В ее голосе зазвучали нотки отчаяния. – А теперь вы должны взять это, чтобы я могла обрести покой.

С этими словами она сунула конверт мне в руки, повернулась и заспешила по дорожке к тротуару. Я видел, как она села в машину и та быстро тронулась с места.

Я никогда больше не видел ее и ничего о ней не слышал. Не знаю даже ее имени.

Я перечел рукопись уже три раза, однако так и не понял, что с ней делать.

Я неверующий, но, как и любой человек, хотел бы верить в то, что смерть – нечто большее, чем забвение. И все же навряд ли смогу принять эту историю за чистую монету. Я по-прежнему считаю, что это не более чем выдумка.

Правда, там присутствуют реальные факты. Факты из жизни моего брата и его семьи, едва ли известные той женщине – если только не предположить, что перед написанием рукописи она посвятила несколько месяцев утомительным и дорогостоящим расследованиям, касающимся жизни нашей семьи. Но какой в этом смысл? Какая ей выгода от подобных действий?

В голове у меня роятся вопросы по поводу этой книги. Не стану их перечислять, а дам возможность читателю поставить свои собственные. Лишь в одном я уверен. Если в рукописи изложена правда, нам всем надлежит пересмотреть свою жизнь. И очень основательно.

*Роберт Нильсен
Ислип, Нью-Йорк,
январь 1978 г.*

Смертный сон

Наплыв мелькающих образов

Есть такое выражение – «Начни с начала». Я не могу этого сделать. Начну с конца – с завершения моей жизни на земле. Излагаю так, как все произошло – и что случилось после.

Замечание по поводу этого текста. Роберт, ты уже знаком с моим стилем изложения. Этот текст может тебе показаться иным. Причина в том, что меня ограничивает мой интерпретатор. Мои мысли должны пройти через ее сознание – без этого мне не обойтись. Не все зерна проходят сквозь сито. Не суди меня строго за упрощенность. Особенно вначале.

Мы оба делаем все, что в наших силах.

Слава богу, в тот вечер я был один. Обычно со мной в кино ходил Йен. Дважды в неделю – из-за моей работы, ты же понимаешь.

В тот вечер он не пошел. Выступал в школьной пьесе. И снова скажу – слава богу.

Я пошел в кинотеатр около торгового центра. Не могу вспомнить название. Тот большой, который разделили на два. Спроси у Йена, как называется.

Я вышел из кино после одиннадцати. Сел в машину и поехал на площадку для гольфа. Маленькую, для детей. Не могу объяснить. Ну ладно. Попытаюсь сказать по буквам, медленно: м-и-н-и-гольф. Хорошо. Получилось.

По улице шел поток машин. Нет, не по улице, по пр...о-спекту. Неточно, но сойдет. Я подумал, что проскочу, и выехал из своего ряда на обгон. Пришлось затормозить – навстречу неслась машина. Места для объезда было достаточно, но она все же врезалась мне в левое переднее крыло, отчего мою машину развернуло.

Меня тряхнуло, но на мне был пояс безопасности. Не пояс. Р-е-м-е-н-ь. Я не был бы сильно ранен, если бы не фургон, врезавшийся в правое заднее крыло моей машины и ударивший вдоль осевой линии. С другой стороны приближался грузовик. Ударил мою машину в лоб. Послышался скрежещущий грохот, звон разбитого стекла. Я сильно ударился головой, и свет померк у меня перед глазами. На миг мне показалось, что я вижу себя без сознания, истекающим кровью. Потом наступила темнота.

Я снова пришел в себя. Боль была нестерпимой. Я слышал свое дыхание, этот ужасный звук. Затрудненное поверхностное дыхание с редкими булькающими вздохами. Мои ступни были ледяными. Я это помню.

Постепенно я понял, что нахожусь в комнате. Думаю, там были люди. Что-то мешало мне в этом увериться. Упоительное. Нет, не то. Произнесу медленно: у-с-п-о-к-о... успокоительное.

Я начал различать чей-то шепот. Но слов было не разобрать. На краткий миг я увидел очертания фигуры. Глаза мои были закрыты, но я видел ее. Я не мог различить, мужчина это или женщина, но понимал, что человек со мной разговаривает. Когда я перестал слышать слова, фигура удалилась.

Возникла другая боль, на этот раз в моем сознании, и она все росла. Казалось, я настраиваюсь на нее, как на радиоволну. Боль была не моя, а Энн. Она плакала от страха. Потому что я был ранен. Она за меня боялась. Я чувствовал ее боль. Она ужасно страдала. Я тщетно пытался произнести ее имя. «Не плачь, – думал я. – Я поправлюсь. Не бойся. Я люблю тебя, Энн. Где ты?»

В тот же миг я оказался дома. Был воскресный вечер. Все мы собрались в гостиной, разговаривали и смеялись. Энн сидела рядом со мной, возле нее – Йен. Рядом с Йеном – Ричард,

Мэри – на другом краю дивана. Я обнял Энн одной рукой, она прижалась ко мне, такая теплая. Я поцеловал ее в щеку. Мы улыбнулись друг другу. Был воскресный вечер – покойный и идиллический, когда все собрались вместе.

Я почувствовал, что начинаю подниматься из мрака. Я лежал на кровати. Боль вернулась, пронизывая все мое существо. Никогда прежде не испытывал я подобной боли. Я понимал, что исчезаю. Да, именно исчезаю.

Тут я услышал ужасающий звук. Хрип в горле. Я молил Бога, чтобы поблизости не было Энн с детьми и чтобы они этого не услышали. Эти звуки привели бы их в ужас. Я просил Бога не позволить им услышать этот жуткий звук, оградить их от этого ужаса.

И тогда мне на ум пришла мысль: «Крис, ты умираешь». Я изо всех сил пытался вздохнуть, но воздух мешала пройти жидкость в дыхательном горле. Я чувствовал себя раздувшимся и вялым, погруженным в какую-то вязкую среду.

У постели опять кто-то появился. Та же фигура.

– Не противься, Крис, – услышал я.

Я рассердился на эти слова. Кто бы ни были эти призраки, они хотели моей смерти. Я этому сопротивлялся. Не поддамся. Энн! Я мысленно ее звал: «Не отпускай меня! Не дай мне уйти!»

И все же я ускользал. «Я получил слишком серьезные повреждения», – с ужасом подумал я. Меня одолевала слабость. Потом появилось странное ощущение. Щекотание. Понимаю, что это необычно. Смешно. Но я это чувствовал. Во всем теле.

И еще одно новое ощущение. Я лежал не в постели, а в люльке. Я чувствовал, как она раскачивается взад-вперед, взад-вперед. Но постепенно до меня дошло. Я не лежал в люльке, и кровать не раскачивалась. Качалось взад-вперед мое тело. Из моего нутра доносилось легкое потрескивание. Те звуки, что слышишь при медленном снятии бинтов. Боль уменьшилась. Она постепенно утихала.

Испугавшись, я попытался восстановить боль. Через несколько мгновений она вернулась, еще более нестерпимая. Агонизируя, я за нее цеплялся. Боль означала, что я еще жив. «Не поддамся! Энн!» Мой рассудок с мольбой взывал к ней: «Не отпускай меня!»

Бесполезно. Я чувствовал, как жизнь вытекает из меня, вновь слышал эти звуки, теперь раздававшиеся громче: словно разрывались сотни тонких нитей. Вкус и обоняние пропали. Ступни, пальцы ног потеряли чувствительность. Онемение стало подниматься по ногам. Я пытался вновь обрести чувствительность, но не мог. Мой желудок и грудь заполняло что-то холодное. Потом оно охватило льдом мое сердце. Я чувствовал, как медленно-медленно, с глухим шумом бьется мое сердце, словно барабан в похоронной процессии.

Я вдруг представил себе, что происходит в соседней комнате. Я видел лежащую там пожилую женщину с разметающимися по подушке прядями седых волос. Пожелтевшая кожа и усохшие руки, напоминающие птичьи лапы: рак желудка. Кто-то сидел рядом с ней, тихо разговаривая. Дочь. Я решил, что не хочу это видеть.

Я тотчас же покинул ту комнату и вновь оказался в своей. Теперь боль почти прошла. Как ни пытался, я не мог ее восстановить. Потом я услышал жужжание – да, жужжание. Нити по-прежнему продолжали рваться. Я чувствовал, как скручивается конец каждой оторванной нити.

Снова зашевелилось холодное «нечто». Оно перемещалось до тех пор, пока не сосредоточилось в моей голове. Все остальное во мне онемело. «Ну пожалуйста!» Я звал на помощь. Но голоса не было; мой язык был парализован. Я чувствовал, как мое существо втягивается внутрь, полностью сосредоточиваясь в голове. Сжимались облачка... Нет, попробую еще раз. О-б-о-лочки. Да. Выталкивались и двигались к центру – все сразу.

Я начал выдвигаться из отверстия в голове. Послышались жужжание и звон; что-то очень быстро мчалось, как поток через узкое ущелье. Я почувствовал, что начинаю подниматься.

Я был пузырем, качающимся вверх-вниз. Мне показалось, я увидел над собой бесконечный темный туннель. Я перевернулся, посмотрел вниз и с изумлением обнаружил свое тело, лежащее на кровати. Забинтованное и неподвижное. С подведенными к нему пластмассовыми трубками. Я был соединен с ним шнуром, отсвечивающим серебром. Этот тонкий шнур входил в мое тело на макушке. «Серебряный шнур, – подумал я. – Бог мой, серебряный шнур». Я понимал, что это единственное, что поддерживает во мне жизнь.

Наступил резкий перелом, и я увидел, как начали судорожно подергиваться мои руки и ноги. Дыхание почти остановилось. Лицо мое исказилось агонией. И снова я стал бороться – чтобы спуститься вниз и вернуться в свое тело. Нет, не пойду! Я слышал, как кричит мой рассудок: «Энн, помоги мне! Пожалуйста! Мы должны быть вместе!»

Я заставил себя посмотреть вниз и стал разглядывать свое лицо. Губы были фиолетовыми, на коже виднелись мелкие капельки пота. Я видел, как начинают набухать вены на шее. Мышцы задергались. Я изо всех сил пытался вернуться обратно в тело. «Энн! – обращался я к ней. – Пожалуйста, позови меня, чтобы я остался с тобой!»

И чудо произошло. Мое тело наполнилось жизнью, кожа приобрела здоровый оттенок, на лице появилось выражение покоя. Я возблагодарил Бога. Энн и детям не придется видеть меня таким, каким я недавно был. Понимаешь, я подумал, что возвращаюсь.

Но это было не так. Я увидел свое тело в разноцветном мешке с приделанным к нему серебряным шнуром. Потом почувствовал, словно что-то роняю, услышал громкий треск – будто разорвалась гигантская резиновая лента – и ощутил, что начинаю подниматься.

Потом взгляд в прошлое. Да, именно так. Ретроспектива – как в кино, но гораздо быстрее. Ты много раз слышал фразу: «Перед ним промелькнула вся его жизнь». Роберт, это правда. Так быстро, что я не мог уследить, и в обратном порядке. Дни перед несчастным случаем, жизнь детей вплоть до рождения, моя женитьба на Энн, моя писательская карьера. Колледж, Вторая мировая война, средняя школа, начальная школа, мое детство и младенчество. Каждое мгновение жизни с 1974-го до 1927-го. Каждое движение, мысль, чувство, каждое произнесенное слово. Я все это увидел. Наплыв мелькающих образов.

Видеть сон о сне

Я резко сел в постели и рассмеялся. Это был всего лишь сон! Я ощущал необыкновенный подъем, все чувства были обострены. «Невероятно, – думал я, – до чего реальным может быть сон».

Но с моим зрением что-то случилось. Оглядываясь по сторонам, я видел все размытым, а дальше десяти футов не видел почти ничего.

Комната казалась знакомой: стены, оштукатуренный потолок. Пятнадцать футов на двенадцать. Бежевые шторы в коричневую и оранжевую полоску. Я увидел подвешенный под потолком цветной телевизор. Слева от меня – кресло с оранжево-красной обивкой под кожу и с подлокотниками из нержавеющей стали. Ковровое покрытие того же оранжево-красного цвета.

Теперь я понял, почему предметы выглядели размытыми. Комната была заполнена дымом. Правда, запаха не чувствовалось; мне это показалось странным. И тут я понял окончательно. Несчастный случай. Я повредил глаза. Но меня это не обескуражило. Облегчение при мысли, что я еще жив, свело на нет возникшее беспокойство.

«Но сначала – самое главное, – подумал я. – Надо разыскать Энн и сказать ей, что со мной все в порядке, прекратить ее муки». Я спустил ноги с кровати и встал. Прикроватный столик был из металла, покрашен бежевой краской, верх, как в нашей кухне, из пластика. Скажу по буквам: ф-о-р-м-а-й-к-а. Я увидел нишу с раковиной. Знаешь, краны напоминали головки клюшек для гольфа. Над раковиной висело зеркало. У меня перед глазами был туман, и я не увидел своего отражения.

Я хотел подойти к раковине, но должен был остановиться, потому что вошла медсестра. Она шла прямо ко мне, и я отступил в сторону. Она даже не посмотрела на меня, а лишь охнула и поспешила к кровати. Там лежал мужчина с разинутым ртом и пепельно-бледной кожей. Он был сильно перебинтован, и к его телу тянулись многочисленные трубочки.

Я с удивлением обернулся, когда медсестра выбежала из комнаты. Я не расслышал, что именно она прокричала.

Я подошел к мужчине поближе и понял, что он, вероятно, мертв. Странно, почему же кто-то оказался в моей постели? Что это за больница, в которой укладывают в одну кровать двух пациентов?

Странно. Я наклонился, чтобы его рассмотреть. Его лицо очень напоминало мое. Я покачал головой. Это невозможно. Я взглянул на его левую руку. На пальце было в точности такое же обручальное кольцо, что и у меня. Как это возможно?

В желудке появилось ощущение болезненного холода. Я попытался стянуть с лежащего тела простыню, но не смог. У меня почему-то пропало осязание. Я продолжал свои попытки, пока не увидел, что мои пальцы проходят сквозь простыню, и я с отвращением отдернул руку. «Нет, это не я», – сказал я себе. Как такое может быть, раз я все еще жив? У меня даже болело тело. Подтверждение того, что я жив.

Когда в комнату вбежали два врача, я резко повернулся, отступив назад, чтобы дать им подойти к телу.

Один из них начал делать мужчине искусственное дыхание рот в рот. Другой держал шприц для поднож... по буквам: п-о-д-к-о-ж-н-ы-х инъекций; верно. Я смотрел, как он вводит иглу в плоть мужчины. Потом вбежала медсестра, толкая перед собой какую-то установку на колесиках. Один из врачей прижал к голой груди человека два толстых металлических стержня, и тот задергался. Теперь я знал, что между этим мужчиной и мной нет ничего общего, поскольку я ничего не почувствовал.

Их усилия ни к чему не привели. Бедняга был мертв. «Плохо, – подумал я. – Его семья будет горевать». Это навело меня на мысли об Энн и детях. Я должен их найти и ободрить. Особенно Энн; я знал, в каком ужасе она пребывает. Моя бедная, милая Энн.

Я повернулся и направился в сторону двери. Справа была ванная комната. Заглянув в нее, я увидел туалет, выключатель, а также красную лампочку и кнопку с нанесенными под ней словами «Вызов персонала».

Выйдя в коридор, я сразу узнал это место. Да, разумеется. Карточка в моем бумажнике предписывала доставить меня сюда при несчастном случае. Госпиталь «Моушн пикча» в Вудленд-Хиллз.

Я остановился и попытался осмыслить происходящее. Произошел несчастный случай, меня доставили сюда. Тогда почему я не в постели? Но я же был в постели. В той самой, в которой лежал теперь мертвец. Человек, очень похожий на меня. Всему этому должно найтись какое-то объяснение. Но я никак не мог его найти. У меня в мыслях не было ясности.

Наконец ответ нашелся. Я не был уверен, что он правильный, но ничего другого на ум не приходило. Мне пришлось его принять, по крайней мере в тот момент.

«Меня оперировали под анестезией. Все происходит у меня в голове». Ответ должен был быть таким. Все остальное не имело смысла.

«И что теперь?» – думал я. Несмотря на душевные страдания от происходящего, надо было улыбаться. Если все происходило в моей голове, разве не мог я все контролировать?

«Правильно, – подумал я. – Я сделаю именно то, что намеревался». А намеревался я найти Энн.

Подумав об этом, я увидел другого врача, который бежал по коридору мне навстречу. Мне захотелось его остановить, но моя протянутая рука прошла сквозь его плечо. «Не важно, – сказал я себе. – По существу, это мне снится. Во сне могут происходить любые странности».

Я пошел по коридору. Проходя мимо какой-то комнаты, я увидел на двери зеленую табличку с надписью белыми буквами: НЕ КУРИТЬ! ИСПОЛЬЗУЕТСЯ КИСЛОРОД. «Необычный сон», – подумал я. Мне никогда раньше не удавалось читать во сне: когда я пытался, буквы сливались. А эта надпись была вполне различимой, хотя и несколько размытой.

«Разумеется, это не совсем сон, – говорил я себе, пытаясь найти ему объяснение. – Быть под наркозом – не то же самое, что спать». Я кивнул, соглашаясь с этим объяснением, и продолжал идти дальше. Энн должна быть в комнате ожидания. Я мысленно убеждал ее не волноваться, успокаивал. Ее страдания воспринимались мною как собственные.

Проходя мимо сестринского поста, я слышал разговор медсестер, но не пытался с ними заговорить. Ведь все происходило у меня в голове. Приходилось с этим примириться и принять правила. Ладно, может, это и не сон – но проще было считать происходящее сном. Пусть сон – под наркозом.

«Подожди, – сказал я себе, останавливаясь. – Сон это или нет, нельзя разгуливать в больничной пижаме». Я окинул себя взглядом и с удивлением увидел одежду, которая была на мне во время несчастного случая. «Где же кровь?» – спрашивал я себя. На миг я увидел себя самого, без сознания, истекающего кровью в момент катастрофы.

И тут я возьми... Нет! Прошу прощения за нетерпение. В-о-з-л-и-к-о-в-а-л. Почему? Потому что, несмотря на замедленность мышления, пришел к одному выводу. Я никак не мог быть тем человеком в кровати. Он был в больничной пижаме, перебинтованный, с подведенными трубками. А я одет, без бинтов и могу перемещаться. Ничего общего.

Ко мне приближался мужчина в уличной одежде. Я ожидал, что он пройдет мимо меня. Вместо этого он, к моему изумлению, останавливая меня, положил руку мне на плечо. Я чувствовал каждый его палец, надавливающий на кожу.

– Ты еще не знаешь, что случилось? – спросил он.

– Случилось?

– Да. – Он кивнул. – Ты умер.

Я с отвращением посмотрел на него.

– Это абсурд, – сказал я.

– Это правда.

– Если бы я умер, то не мог бы размышлять, – заявил я. – И не мог бы с вами разговаривать.

– Тут все по-другому, – настаивал он.

– Умер тот пациент в палате, а не я, – возразил я. – Я сейчас под наркозом, и меня оперируют. В сущности, я сплю. – Я был доволен своими умозаключениями.

– Нет, Крис, – сказал он.

У меня мороз пошел по коже. Откуда он знает мое имя? Я стал пристально в него всматриваться. Я что, его знаю? И поэтому он появился в моем сне?

Нет, вовсе нет. Я испытывал к нему неприязнь. Во всяком случае, я подумал (несмотря на досаду, эта мысль вызвала у меня улыбку), что это мой, и только мой сон и появившийся человек не имеет к нему никакого отношения.

– Идите и разыщите свой сон, – сказал я, испытывая удовлетворение от своей остроумной реплики.

– Если не веришь мне, Крис, – сказал он мне, – посмотри в комнате ожидания. Там твоя жена и дети. Им еще не сообщили, что ты умер.

– Постойте минутку, постойте. – Я стал тыкать в него пальцем. – Это ведь вы сказали, чтобы я не противился?

Он хотел было ответить, но я был так разъярен, что не дал ему говорить.

– Я устал от вас и от этого дурацкого места, – сказал я. – Я иду домой.

В тот же миг что-то сорвало меня с места. Ощущение было такое, словно мое тело заключили в металлический кожух и его притянул к себе находящийся на удалении магнит. Я пронесся по воздуху так быстро, что не успел ничего увидеть и услышать.

Все кончилось так же неожиданно, как началось. Я стоял в тумане, осматриваясь по сторонам, но нигде ничего не видя. В конце концов я решил, что надо что-то делать, и пошел, медленно перемещаясь во мгле. Там и сям, казалось, мелькали силуэты людей. Правда, когда я пытался их рассмотреть, они расплывались. Я едва не окликнул одного из них, но потом передумал. Хозяином этого сна был я. Нельзя позволить ему меня одолеть.

Я попытался отвлечься, представив себе, что я опять в Лондоне. Помнишь, как я туда ездил в 1957-м, чтобы написать сценарий? Стоял ноябрь, и я не единожды попадал в туманы вроде этого – настоящий «гороховый суп». Правда, этот туман был даже гуще. Мне казалось, я нахожусь под водой, ощущая повсюду сырость.

Наконец я разглядел сквозь туман наш дом. Эта картина успокоила меня по двум причинам. Во-первых, сам его вид. Во-вторых, то, что я добрался туда так быстро. Такое могло случиться только во сне.

На меня неожиданно нашло вдохновение. Я тебе уже говорил о том, как болело мое тело. Несмотря на то что это был сон, я все же ощущал боль. Итак, я сказал себе, что поскольку боль порождена сном, не обязательно ее испытывать. Роберт, при этой мысли боль прошла. Ее сменили чувства облегчения и удовольствия. Разве это не доказательство того, что все происходило во сне?

Тогда я вспомнил, как, сидя недавно на больничной койке, я рассмеялся при мысли о том, что все это сон. Это и был именно сон. Точка.

И вот я без всякого перемещения оказался в прихожей нашей квартиры. «Сон», – подумал я и с удовлетворением кивнул. Я оглянулся вокруг; перед глазами по-прежнему все расплывалось. «Подожди, – размышлял я. – Тебе удалось ослабить боль, почему бы не исправить зрение?»

Но ничего не произошло. Все, что было дальше десяти футов, скрывалось за какой-то пеленой.

Я повернулся на клацающий звук когтей по кухонному полу. В прихожую вбежала Джинджер; ты ведь помнишь, это наша немецкая овчарка. Увидев меня, она принялась скакать от радости. Я назвал собаку по имени, радуясь, что вижу ее. Наклонившись, я стал гладить ее по голове и увидел, что моя рука глубоко уходит в ее череп. С визгом отскочив, она в ужасе помчалась прочь, с плотно прижатыми к голове ушами и стоящей дыбом шерстью, а по дороге сильно ударилась о дверной косяк.

– Джинджер, – позвал я, отгоняя от себя страх, – иди сюда.

Ну почему она так глупо себя ведет? Я пошел за ней и увидел, что она, обезумев, скользит по кухонному полу, пытаясь убежать.

– Джинджер! – закричал я.

Я готов был на нее разозлиться, но она была так напугана, что я не смог. Она пробежала через гостиную и нырнула под щиток собачьей дверцы.

Я хотел пойти за ней, но потом передумал. Нельзя было позволить ввести себя в заблуждение этому сну, каким бы безумным он ни казался. Я повернулся и позвал Энн.

Никто не ответил на мой зов. Осмотрев кухню, я увидел, что включена кофеварка – горели две красные лампочки. Стекланный кофейник на подложке был почти пуст. Я выдавил из себя улыбку. «Как всегда», – подумал я. Через несколько мгновений дом про... п-р-о-п-и-т-а-е-т-с-я вонюю жженого кофе. Я в рассеянности потянулся, чтобы выдернуть вилку. Моя рука прошла через провод, и я весь сжался, но потом заставил себя улыбнуться. «Во сне всегда все делаешь не так», – напомнил я себе.

Я стал обследовать дом. Наша спальня и ванная. Комнаты Йена и Мэри, их общая ванная комната. Комната Ричарда. Я не обращал внимания на туман перед глазами. Я решил, что это не важно.

Что я был не в состоянии проигнорировать, так это возрастающую вялость. Сон это был или нет, но мое тело казалось мне оцепеневшим. Я вернулся в нашу спальню и сел на свою сторону кровати. Мне стало немного не по себе, потому что кровать подо мной не продавилась – а матрац был водяным. «Брось, – сказал я себе, – сон есть сон. Они безумны, вот и все».

Я взглянул на радиоприемник с часами, наклонившись поближе, чтобы рассмотреть стрелки и цифры. Шесть пятьдесят три.

Я бросил взгляд через стеклянную дверь. Снаружи брезжил свет. И все же как могло быть утро, если дом пустой? В это время все мои должны были бы спать.

«Не важно, – сказал я себе, тщетно пытаясь сложить все в уме. – Тебя оперируют. Это лишь сон. Энн с детьми сейчас в больнице, ждут...»

Меня вдруг смутила еще одна вещь. Я действительно был в больнице? Или это тоже было частью сна? Может, несчастного случая вовсе не было? Так много разных вариантов, каждый из которых влияет на следующий. Вот если бы голова моя прояснилась. Но я плохо соображал. Словно выпил спиртного или принял успокоительное.

Я лег на постель и закрыл глаза. Это было единственное, что мне оставалось делать, – я это понимал. Скоро я проснусь и узнаю правду: находился ли я в больнице под наркозом или видел сон в своей постели.

Я надеялся на последнее, потому что в этом случае я должен был проснуться и увидеть лежащую рядом Энн и рассказать ей, какой дурацкий сон мне приснился. Держать в объятиях ее теплое, родное тело и нежно целовать, со смехом рассказывая о том, до чего это странно – видеть сон о сне.

Бесконечный страшный сон

Я был измотан, но спать не мог, потому что слышал, как плачет Энн. Я попытался встать, чтобы успокоить ее. Но вместо этого оказался в подвешенном состоянии между темнотой и светом.

– Не плачь, – слышал я собственное бормотание. – Скоро я проснусь и буду с тобой. Дай мне только немного поспать. Не плачь, пожалуйста; все хорошо, любимая. Я о тебе позабочусь.

В конце концов мне пришлось открыть глаза. Я не лежал на постели, а стоял в тумане. Потом медленно двинулся в ту сторону, откуда доносились рыдания. Я очень устал, Роберт, и еле держался на ногах. Но не мог позволить Энн плакать. Надо было выяснить, что случилось, и прекратить это, чтобы она не плакала так горько. Я был не в силах вынести ее отчаяние.

Я оказался в церкви, которую никогда раньше не видел. Все скамьи были заняты людьми. Серые фигуры, лиц не различить. Я пошел по центральному проходу, пытаюсь понять, почему оказался здесь. Что это за церковь? И почему оттуда доносятся рыдания Энн?

Я увидел ее, сидящую в первом ряду, одетую в черное. Справа Ричард, слева Мэри и Йен. Рядом с Ричардом я заметил Луизу и ее мужа. Все они были в черном. Я видел их более отчетливо, чем других людей в церкви, но даже и они казались размытыми, как призраки. Я по-прежнему слышал рыдания, хотя Энн молчала. «Это в ее сознании, – дошло до меня, – а наши сознания настолько близки, что я их слышу». Я поспешил к ней, чтобы успокоить.

Я встал перед ней.

– Я здесь, – сказал я.

Она все смотрела вперед, словно я ничего не сказал, словно меня там не было. Никто из них на меня не смотрел. Смущало ли их мое присутствие, отчего они делали вид, что меня не замечают? Я осмотрел себя. Возможно, дело в моем костюме. Не слишком ли он поношенный? Пожалуй, да, хотя я не был в этом уверен.

Я вновь поднял глаза.

– Ладно, – сказал я. Мне было трудно говорить; язык не слушался. – Ладно, – медленно повторил я. – Я одет неподобающе. И я опоздал. Но это не значит... – Голос мой прервался, потому что Энн по-прежнему смотрела перед собой. Я мог быть невидимым. – Пожалуйста, Энн, – с отчаянием проговорил я.

Она не шевельнулась и даже не моргнула. Я вытянул руку, чтобы коснуться ее плеча.

Она дернулась, подняла глаза и побледнела.

– Что случилось? – спросил я.

Ее невидимые слезы вдруг проявились на лице, и она поднесла ладонь к глазам, чтобы их скрыть, стараясь подавить рыдания. Я ощутил тупую боль в голове. «Что случилось?» – думал я.

– Энн, что произошло? – взывал я к ней.

Не ответив, она взглянула на Ричарда. Лицо его словно окаменело, по щекам сбегали слезы.

– Ричард, что происходит? – спросил я.

Мои слова прозвучали невнятно, словно я был пьян.

Он не ответил и посмотрел на Йена.

– Будь добр, скажи мне, – попросил я.

Глядя на него, я ощутил боль. Он тихо рыдал, притрагиваясь к щекам трясущимися пальцами, пытаюсь смахнуть слезы, капающие из глаз. «Что, во имя Бога, происходит?» – думал я.

Потом я понял. Разумеется. Сон: он все еще продолжается. «Я был в больнице, и меня оперировали – нет, я спал в своей постели и видел сон – так или иначе!» – пронеслось у меня в голове. Сон продолжался и теперь включал в себя мои похороны.

Мне пришлось отвернуться; невозможно было видеть, как плачут близкие мне люди. «Ненавижу этот глупый сон! – думал я. – Когда же он кончится?»

Для меня было мучением отвернуться от Энн и детей, когда прямо у себя за спиной я слышал их рыдания. Мне отчаянно хотелось обернуться и успокоить их. Правда, ради чего? В моем сне они оплакивали мою смерть. Какой смысл было мне что-то говорить, если они считали меня умершим?

Надо подумать о чем-нибудь другом – это был единственный ответ. Сон изменится, они быстро меняются. Я пошел в сторону алтаря, откуда доносился монотонный голос. «Священник», – подумал я. Я заставил себя взглянуть на это с юмором. «Забавно», – сказал я себе. Скольким посчастливилось, пусть даже и во сне, услышать в свой адрес хвалебную надгробную речь?

Теперь я различил за кафедрой расплывчатый серый силуэт. Голос духовника звучал гулко и отдаленно. «Надеюсь, мне устроят королевские проводы», – с горечью подумал я.

– Вот он, – произнес голос.

Я огляделся по сторонам. Опять тот человек, которого я видел в больнице. Казалось странным, что из всех встреченных мною людей именно его я видел яснее всего.

– Вижу, вы еще не нашли свой сон, – сказал я.

Странно также, что с ним я говорил без усилия.

– Крис, постарайся понять, – начал он. – Это не сон. Это правда. Ты умер.

– Может, вы оставите меня в покое?

Я собирался уже от него отвернуться.

Он снова ухватил меня за плечо, сильно нажимая пальцами на кожу. Это тоже было странно.

– Крис, разве не видишь? – спросил он. – Твоя жена и дети в черном. Церковь. Священник, произносящий надгробную речь!

– Убедительный сон, – подытожил я.

Он покачал головой.

– Дайте мне пройти, – с угрозой произнес я. – Я не обязан это выслушивать.

Он продолжал крепко меня держать; мне не удавалось вырваться.

– Пойдем со мной, – сказал он. Он подвел меня к возвышению, на котором стоял гроб на опорах. – Там твое тело.

– Неужели? – холодно произнес я.

Крышка гроба была закрыта. Откуда он узнал, что я там?

– Если попробуешь заглянуть внутрь – увидишь, – ответил он.

Неожиданно я почувствовал, что начинаю дрожать. Я действительно мог бы заглянуть в гроб, если бы захотел. Я вдруг это понял.

– Я не стану этого делать, – сказал я и, вырвавшись от него, отвернулся. – Это сон, – прибавил я, бросив взгляд через плечо. – Может быть, вы этого не понимаете, но...

– Если это сон, – прервал он меня, – почему ты не попытаешься проснуться?

Я повернулся и взглянул на него.

– Хорошо, именно это я и сделаю, – пообещал я. – Благодарю за совет.

Я закрыл глаза. «Ладно, ты слышал этого человека, – сказал я себе. – Проснись. Он посоветовал тебе, что надо делать. Теперь сделай это».

Я услышал, как рыдания Энн становятся громче.

– Не надо, – сказал я. Мне было этого не вынести.

Я попятился назад, но тягостные звуки меня преследовали. Я стиснул зубы. «Это сон, и ты немедленно от него пробудишься», – твердил я себе. В любой момент я могу проснуться, как от толчка, дрожащий, в поту. Энн с сочувствием произнесет мое имя, потом обнимет, станет ласкать, скажет...

Рыдания становились все громче. Я зажал оба уха ладонями, чтобы ничего не слышать.

– Проснись, – сказал я, как мне показалось, громко. И повторил с горячей решимостью: – Проснись!

Мои усилия были вознаграждены неожиданной тишиной. Я это сделал! В приливе радости я открыл глаза.

Я очутился в передней нашего дома. Я совершенно не понимал, каким образом.

Потом я снова увидел туман, четкость зрения пропала. И я различал лишь силуэты людей в гостиной. Серые и блеклые, собравшиеся стояли и сидели небольшими группами, невнятно говоря что-то, чего я не мог расслышать.

Я вошел в гостиную, миновав группу людей. Их лица были размыты, и я не смог узнать ни одного. «По-прежнему сон», – подумал я, продолжая цепляться за эту мысль.

Я прошел мимо Луизы и Боба. Они на меня не взглянули. «Не пытайся с ними разговаривать, – внушал я себе. – Считай, что это сон. Иди дальше». Я вошел в бар, двигаясь в сторону семейной гостиной.

Ричард, стоя за стойкой бара, разливал спиртное. Я ощутил приступ негодования. Пить в такое время! И тут же отбросил эту мысль. В какое такое? Я отругал себя. Никакого особого времени не было. Просто печальное сборище людей, приснившееся в унылом, тягостном сне.

На ходу я мельком замечал других людей. Билл, старший брат Энн, его жена Патриция. Ее отец и мачеха, младший брат Фил с женой Андреа. Я пытался улыбаться.

«Как же, – говорил я себе, – во сне ты все делаешь правильно, ничего не упускаешь». Собралась вся семья Энн из Сан-Франциско. «А где же моя семья?» – недоумевал я. Безусловно, и они могли мне здесь присниться. Разве во сне имеет значение то, что они находятся за три тысячи миль отсюда?

Именно в этот момент в голову мне пришла новая мысль: а не мог ли я потерять рассудок? Возможно, во время аварии пострадал мой мозг. Вот это мысль! Я ухватился за нее. Повреждение мозга: причудливые, искаженные образы. Проходит не просто рядовая операция, а нечто более сложное. В то время как я, невидимый, брожу среди этих призраков, возможно, хирурги обследуют мой мозг, пытаюсь восстановить его функции.

Это не помогло. Несмотря на логичность этой мысли, я начал испытывать обиду. Все собравшиеся совершенно меня игнорировали. Я остановился перед одним из них, безликий, безымянный.

– Черт возьми, даже во сне люди с тобой разговаривают, – сказал я и попытался схватить его за руку.

Мои пальцы прошли сквозь его плоть, словно она была из воды. Я огляделся и увидел семейный стол. Подойдя к нему, я сделал попытку взять один из стаканов и швырнуть его в стену. Это было все равно что пытаться схватить воздух. Во мне вдруг проснулся гнев. Я закричал:

– Черт побери, это мой сон! Послушайте меня!

Из горла моего вырвался какой-то натужный смех. «Послушай себя, – подумал я. – Ты ведешь себя так, словно все происходит в действительности. Принимай все как есть, Нильсен. Это сон».

Оставив всех позади, я устремился по коридору. Передо мной оказался Джон, дядюшка Энн, рассматривающий какие-то фотографии на стенах. Я прошел сквозь него, ничего не почувствовав. «Перестань, – приказал я себе. – Не имеет значения».

Дверь нашей спальни была закрыта. Я прошел сквозь нее.

– Безумие, – пробормотал я.

Даже во сне я никогда раньше не проходил сквозь двери.

Мне стало чуть спокойнее, когда я подошел к кровати и взглянул на Энн. Она лежала на своей левой стороне, уставившись на стеклянную дверь. На ней было то же черное платье, что и в церкви. Туфли она сняла. Ее глаза покраснели от слез.

Рядом с ней сидел Йен, держа ее за руку. По его щекам струились слезы. Я испытал к нему прилив нежности. Он такой милый и чуткий мальчик, Роберт! Я наклонился, чтобы погладить сына по голове.

Он огляделся по сторонам, и на один миг мне показалось, что он смотрит на меня, видит меня – тогда сердце мое чуть не остановилось.

– Йен, – пролепетал я.

Он снова взглянул на Энн.

– Мама? – сказал он.

Она не ответила.

Он вновь заговорил, и ее взгляд медленно переместился на его лицо.

– Я знаю, это кажется безумием, – сказал он, – но... у меня такое чувство, словно папа с нами.

Я быстро взглянул на Энн. Она не отрываясь смотрела на Йена все с тем же выражением.

– То есть прямо здесь, – сказал он ей. – Сейчас.

Улыбка ее была вымученной, но ласковой.

– Я знаю, ты хочешь мне помочь, – сказала она.

– Я правда это чувствую, мама.

Ее сотрясали рыдания; она была не в состоянии ответить.

– О боже, – прошептала она, – Крис...

Я опустил на пол рядом с кроватью и попытался прикоснуться к лицу жены.

– Энн, не надо... – начал я.

Прервав свои попытки, я со стоном отвернулся. Видеть, как мои пальцы утопают в ее плоти...

– Йен, мне страшно, – промолвила Энн.

Я быстро повернулся к ней. Последний раз я видел такое выражение на ее лице, когда однажды вечером шестилетний Йен пропал на три часа, – выражение беспомощного, парализующего страха.

– Энн, я здесь! – почти заорал я. – Я здесь. Смерть – не то, что ты думаешь!

Ужас застал меня врасплох. «Я не имел этого в виду!» – кричал мой рассудок. Но слова уже было не вернуть назад. Я позволил себе это допустить.

Я старался вытеснить из сознания страшное слово, сконцентрировавшись на Энн и Йене. Но вставал непрошенный вопрос, от которого было не спрятаться. Что, если тот человек говорил правду? Что, если это не сон?

Я пытался отступить. Невозможно – путь назад был заблокирован. Я гневно сопротивлялся. И что теперь, если я об этом подумал? Просто предположил такую возможность? Ведь не было никаких доказательств!

Так-то лучше. Я стал мстительно опровергать свои измышления, ощупывая собственное тело.

«И это смерть? – насмешливо выговаривал я. – Плоть и кости? Смешно!» Возможно, это не сон – такое я мог допустить. Но уж точно не смерть.

Эти раздумья вдруг меня опустошили. И снова тело мое словно окаменело. «Опять?» – подумал я.

Ну и ладно. Я постарался выкинуть все из головы. Я лег на свою сторону кровати и взглянул на Энн. Меня лишало присутствия духа то, что она лежит со мной лицом к лицу, глядя сквозь меня, как через окно.

«Закрой глаза, – говорил я себе. – Спрячься в сон. Никаких доказательств нет. Это все-таки может быть сон». Но Господи, добрый Бог на небесах, если это сон, я ненавижу в нем все. «Пожалуйста, – взывал я к силам, которые могли бы меня защитить. – Освободите меня от этого бесконечного страшного сна».

Знать, что я все еще существую!

Воспарив, словно подвешенный, в безмолвной, засасывающей пустоте, я поднимался вверх на несколько дюймов, потом опускался. Так ли чувствует себя ребенок перед рождением, плавая в жидком сумраке?

Нет, в утробе матери не слышался бы плач. Меня не одолевала бы печаль. Во сне я бормотал, мечтая успокоиться, нуждаясь в этом покое, но желая также проснуться ради Энн. «Милая, все хорошо». Я, должно быть, сотню раз произнес эти слова перед пробуждением.

Мои глаза под отяжелевшими веками с трудом открылись.

Она лежала, спящая, рядом со мной. Вздохнув, я нежно ей улыбнулся. Сон окончился, мы снова были вместе. Я смотрел на ее лицо, по-детски милое во сне. Усталое дитя – дитя, вволю наплакавшееся и уснувшее. Бесценная моя Энн. Я потянулся к ее лицу, чувствуя странную тяжесть в руке.

Мои пальцы исчезли в ее голове.

Она, вздрогнув, проснулась, глядя встревоженными глазами.

– Крис? – вымолвила она.

И опять молниеносная вспышка надежды. Тут же погасшая, когда стало ясно, что она смотрит не на меня, а сквозь меня. Глаза ее наполнились слезами. Она подтянула к себе ноги и сжала руками подушку, прижав к ней лицо. Тело ее сотрясало от рыданий.

– О боже, любимая, ну пожалуйста, не плачь.

Я плакал тоже. Я бы душу отдал, если бы она хоть на минутку меня увидела, услышала мой голос, почувствовала мое утешение и любовь.

Хотя и знал, что это невозможно. Как знал и то, что этот страшный сон еще не закончился. Я отвернулся от нее и закрыл глаза, отчаявшись снова спастись во сне, дать темноте унести меня далеко от жены. Ее рыдания разрывали мне сердце. «Пожалуйста, унеси меня от нее. Если я не в силах ее утешить, заberi меня!»

Я почувствовал, как мое сознание начинает соскальзывать вниз, опускаясь в темноту.

Теперь это действительно был сон. Передо мной непрерывной чередой живых картин разворачивалась моя жизнь. Кое-что в этом зрелище меня поразило. Разве я не видел этого чуть раньше – но более сжато, более беспорядочно?

На сей раз ничего беспорядочного в наплывавших картинах не было. Словно я сидел в зрительном зале, смотря фильм под названием «Моя жизнь» – каждый эпизод от начала до конца. Нет, не так. С конца до начала; фильм начинался с дорожного столкновения – реально происшедшего – и разворачивался вплоть до моего рождения с показом каждой детали.

Не стану описывать все эти подробности, Роберт. Не эту историю хочу я тебе рассказать – и она заняла бы слишком много времени. Жизнь каждого человека – это большая книга, состоящая из эпизодов. Представь все моменты своей жизни, перечисленные один за другим и подробно описанные. Получится двадцатитомная энциклопедия событий – по меньшей мере.

Теперь позволь мне вкратце описать эту череду сцен. Они не просто «промелькнули у меня перед глазами». Я был более чем зрителем; это очень скоро стало очевидно. Я остро переживал вновь каждый момент, одновременно чувствуя и понимая. Все было настолько живо, Роберт, каждая эмоция, бесконечно помноженная на следующий уровень познания.

Суть состояла в том – и это очень важно, – что я отдавал себе отчет в реальности собственных мыслей. Реальным было не только то, что я говорил и делал. А также и то, что происходило в моем сознании, – положительное или отрицательное.

Каждое воспоминание оживало перед моими глазами и внутри меня. Я не мог избежать этих воспоминаний. Как не мог и отмахнуться от них или объяснить с рациональной точки зрения. Я мог лишь вновь проживать их с полным осознанием, не пытаясь прикрыться при-

творством. Никакого самообмана – а лишь сокрушительная правда. Совсем не так, как я себе это представлял. Совсем не то, на что надеялся. Только так, как было на самом деле.

Я досадовал по поводу собственных ошибок. То, что я упустил, проигнорировал или от чего отмахнулся. То, что должен был дать и не дал – друзьям, родственникам, матери и отцу, тебе и Элеоноре, моим детям и более всего – Энн. Я остро переживал каждое невыполненное обязательство. И не только в личной жизни, но и в работе – свои писательские неудачи. Куча моих сценариев, пользы от которых не было никакой. Когда-то я с этим мирился. Теперь, после полнейшего изобличения моей жизни, примирение было невозможно, как и самооправдание. Бесконечное число промахов сводилось к одному главному обвинению: что я мог бы сделать и с каким постоянством я недотягивал почти до каждой вехи.

Не могу сказать, что это было несправедливо и однобоко. Добрые дела также присутствовали. Душевные порывы, успехи и свершения – все это тоже было.

Беда была в том, что я никак не мог с этим разделаться. Горе Энн отвлекало меня от созерцания этих картин, словно кто-то издалека тянул меня за руку. «Милая, дай посмотреть». Думаю, я произнес эти слова или просто они пришли мне на ум.

Я очнулся, снова лежа рядом с ней, с трудом приподняв отяжелевшие веки. Энн всхлипывала во сне, и эти звуки, словно кинжал, вонзались в мое сердце. Ну пожалуйста, я обязательно должен увидеть, узнать – оценить. Это слово вдруг показалось мне очень важным. Оценить.

Я снова поплыл к своим тайным видениям. Секунду назад я покинул кинозал; изображение на экране застыло. Теперь оно снова ожило, поглощая все мое существо. Я опять оказался внутри, переживая давно минувшие дни.

Теперь я понимал, сколько времени провел, потворствуя своим чувствам, и опять не буду вдаваться в детали. Я не только открывал заново каждое испытанное ощущение, но мне приходилось также пережить каждое неисполненное желание – так, словно оно было исполнено. Я увидел, что происходящее в сознании столь же реально, как вещи, имеющие место в физическом мире. То, что в жизни существовало лишь в воображении, теперь сделалось осязаемым; каждая фантазия становилась реальностью. Я проживал их все – и в то же время наблюдал со стороны, будучи свидетелем присущего им зачастую убожества. Свидетель, страдающий от абсолютной объективности.

И все же всегда равновесие, Роберт; подчеркиваю это – равновесие. Весы правосудия: темнота против света, жестокость против сочувствия, похоть против любви. И всегда этот неизменный сокровенный вопрос: «Что ты сделал со своей жизнью?»

Утешало лишь то, что свидетелем этого глубоко личного серьезного смотра являлся только я сам. Это было закрытое исполнение спектакля, оценивать который могло лишь мое сознание. Более того, я был уверен в том, что каким-то образом каждый пережитый поступок и каждая мысль навеки отпечатываются в моем сознании на будущее. Я не имел понятия, почему так происходит. Просто знал, что это так.

Потом начало происходить нечто совсем странное. Я оказался в каком-то загородном доме. Я смотрел на лежащего в постели старика. Рядом с ним сидели седая женщина и мужчина средних лет. Их одежда была мне незнакома. Когда женщина заговорила, в голосе ее прозвучал какой-то странный акцент.

– Думаю, он умер.

– Крис!

Мучительный крик Энн вырвал меня из сна. Оглядевшись по сторонам, я увидел, что лежу на земле, а вокруг клубится туман. Я медленно поднялся, ощущая боль в каждой мышце, и попытался пойти, но не смог. Я был на дне темного озера, плотные воды которого колыхались вокруг меня.

Я вдруг почувствовал голод, непонятно с чего. Нет, слово «голод» не подходит. Нужны были средства для поддержания. Нет, нечто большее. Надо было что-то восполнить, чтобы

помочь мне собраться воедино. Да, точно. Я был незаконченным; недоставало каких-то частей. Я попытался думать, но это оказалось выше моих возможностей. Мысли едва ворочались в голове, словно их склеили. «Оставь это, – все, что я мог придумать. – Оставь».

Я увидел, как белый столб света передо мной начинает принимать очертания фигуры.

– Тебе нужна моя помощь? – послышался голос.

В тот момент мне не хватало проницательности понять, мужчина это или женщина.

Я сделал попытку заговорить, потом услышал, как издалека Энн снова зовет меня по имени, и огляделся по сторонам.

– Ты можешь здесь остаться надолго, – произнесла фигура. – Возьми меня за руку.

Я взглянул на фигуру.

– Я тебя знаю?

Я едва мог говорить, голос мой звучал как-то безжизненно.

– Сейчас это не важно, – молвила фигура. – Просто возьми меня за руку.

Я рассеянно уставился на неясный силуэт. Энн снова позвала меня по имени, и я покачал головой. Это существо пыталось увести меня от нее. Я не позволю ему это сделать.

– Убирайся, – сказал я. – Я иду к жене.

Я снова оказался в тумане, совсем один.

– Энн! – позвал я. Мне было холодно и страшно. – Энн, где ты? – Голос мой звучал безжизненно. – Я тебя не вижу.

Что-то потащило меня сквозь туман. Что-то другое пыталось удержать меня, но я отогнал его; это была не Энн. Я это понимал и должен был найти Энн. Только она имела для меня значение.

Туман начал рассеиваться, и я понял, что могу перемещаться. Передо мной расстился чем-то знакомый пейзаж: широкие зеленые лужайки с рядами металлических табличек вровень с землей, букетами цветов там и сям – некоторые засохшие, иные – увядающие, а другие – совсем свежие. Я бывал здесь раньше.

Я пошел к отдаленной фигуре, сидящей на траве. «Где же я видел это место?» – недоумевал я, тщетно пытаюсь вспомнить. Наконец, подобно пузырьку, выталкиваемому наверх из трясины, всплыло воспоминание. Ван. Чей-то сын. Мы его знали. Он был здесь похоронен. «Сколько времени прошло с тех пор?» – спрашивал я себя. И не мог ответить на этот вопрос. Время представлялось неразрешимой загадкой.

Теперь я видел, что сидящая фигура – это Энн, и со всех ног поспешил к ней, испытывая одновременно радость и печаль, сам не знаю почему.

Подойдя к ней, я позвал ее по имени. Она ничем не показала, что видит или слышит меня, и по какой-то необъяснимой причине теперь я этому не удивлялся. Я сел на траву подле нее, обняв ее одной рукой. Я ничего не чувствовал, и она никак мне не отвечала, устремив взор в землю. Я пытался понять, что происходит, но мне это не удавалось.

– Энн, я тебя люблю, – бормотал я. Другие слова не приходили на ум. – Я всегда буду тебя любить, Энн.

На меня навалилось отчаяние. Я взглянул на то место на земле, куда смотрела она. Там были цветы и металлическая табличка.

«Кристофер Нильсен. 1927–1974». Я уставился на табличку, онемев от изумления. Я смутно припомнил, как ко мне обращался какой-то человек, пытаюсь убедить меня в том, что я умер. Был ли то сон? А сейчас сон ли это? Я покачал головой. По какой-то причине я не мог этого уразуметь, считая концепцию сна неприемлемой. Что означало, что я умер. Умер.

Как это сокрушительное открытие могло оставить меня в том же состоянии глубокой апатии? Я должен был бы вопить от ужаса. Вместо этого я лишь неотрывно смотрел на табличку со своим именем, годом рождения и годом смерти.

Моим рассудком медленно овладевала навязчивая идея. Я что – там, внизу? Я? Мое тело? Но я ведь обладал способностью выяснить все это. Я мог перенестись туда, вниз, увидеть свой труп. Передо мной замелькали обрывки воспоминаний. «Если попробуешь заглянуть внутрь – увидишь». Где я слышал эти слова? Внутри чего мог я заглянуть?

Пришло понимание. Я мог спуститься и заглянуть внутрь гроба. Я мог увидеть себя и убедиться в том, что умер. Я почувствовал, как мое тело перемещается вперед и вниз.

– Мама?

Я испуганно оглянулся. К нам приближался Ричард в компании худощавого темноволосого молодого человека.

– Мама, это Перри, – сказал Ричард. – Я тебе о нем уже рассказывал.

Я недоверчиво уставился на молодого человека. Он смотрел на меня.

– Здесь твой отец, Ричард, – спокойно сказал он. – Сидит около таблички со своим именем.

Я с трудом поднялся на ноги.

– Ты меня видишь? – спросил я.

Я был поражен его словами и тем, что он смотрит прямо на меня.

– Он говорит что-то, чего я не могу разобрать, – сказал Перри.

Я взглянул на Энн с тревогой. Я мог бы с ней общаться; дать ей знать, что я все еще существую.

Она с ошеломленным видом смотрела на молодого человека.

– Энн, поверь ему, – взмолился я. – Поверь ему.

– Он снова разговаривает, – сказал Перри. – Теперь с вами, миссис Нильсен.

Содрогнувшись, Энн взглянула на Ричарда и с мольбой позвала его по имени.

– Мама... – Ричард казался смущенным и в то же время полным решимости. – Если Перри говорит, что папа здесь, я ему верю. Я же говорил тебе, как он...

– Энн, я здесь! – выкрикнул я.

– Я понимаю, что вы чувствуете, миссис Нильсен, – прервал Ричарда Перри, – но поверьте мне на слово. Я вижу его рядом с вами. На нем темно-голубая рубашка с короткими рукавами, синие клетчатые брюки и ботинки от Уоллоби. Он высокий, ладно скроенный, со светлыми волосами. У него зеленые глаза, и он смотрит на вас с тревогой. Я уверен, он хочет, чтобы вы поверили в его присутствие здесь.

– Энн, ну пожалуйста, – сказал я, потом вновь посмотрел на Перри. – Услышь меня, – умолял я его. – Ты должен меня услышать.

– Он снова говорит, – сообщил Перри. – Мне кажется, он говорит «малыш» или что-то в этом роде.

Я застонал и еще раз взглянул на Энн. Она старалась не расплакаться, но не могла с собой совладать. Сильно разволновавшись, она тяжело и прерывисто дышала.

– Пожалуйста, не делай этого, – бормотала она.

– Мамочка, он пытается помочь, – сказал ей Ричард.

– Не надо. – Энн поднялась на ноги и пошла прочь.

– Энн, не уходи, – умолял я.

Ричард устремился за ней, но Перри удержал его.

– Пусть привыкнет к этой мысли, – сказал он.

Ричард беспокойно огляделся по сторонам.

– Он здесь? – спросил он. – Мой отец?

Я не знал, что делать. Мне хотелось быть с Энн. Но как же я мог отойти от единственного человека, который меня видел?

Перри положил ладони на плечи Ричарда и повернул его так, что он оказался лицом к лицу со мной.

- Он перед тобой, – сказал он. – Примерно в четырех футах.
- О боже, – произнес Ричард тонким дрожащим голосом.
- Ричард, – позвал я, сделав шаг вперед и пытаясь схватить его за руки.
- Он сейчас прямо перед тобой, пытается взять тебя за руки, – сообщил ему Перри.

Ричард побледнел.

- Почему же тогда я его не вижу? – с недоумением спросил он.
- У тебя может получиться, если ты уговоришь свою мать посетить сеанс.

Несмотря на волнение, которое вызвали во мне слова Перри, я был более не в состоянии с ним оставаться; мне надо было находиться возле Энн. Его голос быстро затих позади, когда я устремился за ней.

- Он идет за твоей матерью, – сказал он. – Он, наверное, хочет...

Я не мог больше этого слышать. Я с тревогой последовал за Энн, стараясь ее догнать. Что бы за сеанс это ни был – спиритический? – Энн следовало на него соглашаться. Раньше я никогда не верил в подобные вещи, даже не думал о них. Теперь я о них думал. Перри меня видел, действительно видел. Мысль о том, что с его помощью Энн и дети тоже смогут меня увидеть, а может быть, и услышать, наполняла меня восторгом. Тогда они перестанут горевать!

Я застонал, внезапно испытал смятение. Снова собирался туман, скрывая от моих глаз Энн. Я пытался бежать, но движения давались мне все с большим трудом. «Мне необходимо ее догнать!» – думал я.

- Энн, подожди! – звал я. – Не покидай меня!

«Надо идти дальше». Казалось, я слышал эти слова, произнесенные кем-то в моем сознании. Мне не хотелось прислушиваться к этому голосу, и я шел все медленнее и медленнее, пока не оказался снова на дне того темного озера. Я переставал понимать, что происходит вокруг. «Пожалуйста!» – мысленно молил я. Должен найтись способ заставить Энн меня увидеть, чтобы она утешилась, узнав, что я все еще существую!

Мое присутствие не имеет силы

Я поднимался вверх по холму к нашему дому. По обеим сторонам аллеи шелестели на ветру перечные деревья. Я старался вдохнуть их аромат, но не мог. Небо над головой было затянуто облаками. «Дождь собирается», – подумал я, не понимая, почему здесь нахожусь.

Входная дверь для меня была не плотнее воздуха, и я вошел в дом. Тогда я понял, зачем пришел.

В гостиной сидели Энн, Ричард и Перри. Я подумал, что Йен, наверное, в школе, а Мэри в Пасадине, в Академии.

У ног Энн лежала Джинджер. Едва я вошел в гостиную, она резко подняла голову и уставилась на меня, прижав уши, но не издала ни звука. Перри, сидевший на диване рядом с Ричардом, повернулся, взглянул на меня и объявил присутствующим:

– Он вернулся.

Энн с Ричардом непроизвольно посмотрели в мою сторону, но я знал, что они меня не видят.

– Он так же выглядит? – с тревогой спросил Ричард.

– Точно так же, как на кладбище, – ответил Перри. – На нем та же одежда, что и в день аварии, верно?

Ричард кивнул.

– Да. – Он взглянул на Энн; я не сводил с нее глаз. – Mamочка, – вымолвил он, – ты не хочешь...

Она прервала его, спокойно, но твердо:

– Нет, Ричард.

– Но папа был одет именно так в ночь аварии, – настаивал Ричард. – Откуда Перри знать, если он...

– Но мы это знаем, Ричард, – снова прервала его Энн.

– Я узнал это не от вас, даю слово, миссис Нильсен, – сказал Перри. – Ваш муж сейчас стоит вон там. Посмотрите на собаку. Она его видит.

Энн, поежившись, взглянула на Джинджер.

– Мне так не кажется, – пробормотала она.

Надо было заставить ее увидеть.

– Джинджер! – позвал я.

Когда я, бывало, звал ее по имени, она начинала молотить хвостом. Сейчас же только сжалась от страха, не сводя с меня глаз.

Я направился к ней через комнату.

– Джинджер, перестань, – сказал я. – Ты ведь меня знаешь.

– Он идет к вам, миссис Нильсен, – промолвил Перри.

– Будь добр... – начала она и замолчала, с испугом наблюдая за собакой, которая вскочила и бросилась вон из комнаты.

– Она его боится, – объяснил Перри. – Видите ли, она не понимает, что происходит.

– Мама! – обратился Ричард к молчавшей матери.

До чего же хорошо я знал это упрямое молчание. Я вынужден был улыбнуться, несмотря на нежелание Энн поверить в мое присутствие.

– Он вам улыбается, – сказал Перри. – Похоже, он понимает, как трудно вам поверить в его присутствие.

Лицо Энн вновь стало напряженным.

– Конечно, ты не сомневаешься, что мне хотелось бы в это поверить, – сказала она. – Но я просто не могу... – Внезапно замолчав, она тяжело вздохнула. – Ты... и правда его видишь? – спросила она.

– Да, Энн, видит, – сказал я.

– Он только что сказал: «Да, Энн», – сообщил ей Перри. – Я его вижу – таким, каким описал вам на кладбище. Естественно, он не кажется таким же материальным, как мы. Но он вполне реален. Я вовсе не извлекаю информацию из вашего сознания. Я этого не умею.

Энн прикрыла глаза ладонью левой руки.

– Хотела бы я поверить, – с несчастным видом произнесла она.

– Постарайся, мамочка, – попросил Ричард.

– Энн, ну пожалуйста! – умолял я.

– Понимаю, что это принять нелегко, – сказал Перри. – Я живу с этим всю жизнь, так что считаю само собой разумеющимся. Я видел развоплощенных людей еще ребенком.

Я посмотрел на него с неприязнью. Развоплощенные? Это слово делало из меня какого-то уродца.

– Извини, – сказал Перри с улыбкой.

– Что случилось? – спросил Ричард.

Энн сняла руку с лица и с любопытством взглянула на Перри.

– Он посмотрел на меня с упреком, – сказал Перри, все еще улыбаясь. – Вероятно, ему не понравились какие-то из моих слов.

Ричард вновь взглянул на Энн.

– Мам, что скажешь? – спросил он.

Она вздохнула.

– Просто не знаю.

– Какой вред может от этого быть?

– Какой вред? – Она недоверчиво посмотрела на него. – Позволить себе надеяться, что твой отец еще существует! Ты ведь знаешь, как много он для меня значил.

– Миссис Нильсен, – начал Перри.

– Я не верю в жизнь после смерти, – прервала его Энн. – Я верю в то, что, когда мы умираем – мы умираем, и это конец. А сейчас вы хотите убедить меня...

– Миссис Нильсен, вы ошибаетесь, – сказал Перри. Он подтверждал мое присутствие, но все же меня обижал его самоуверенный тон. – Ваш муж стоит прямо перед вами. Разве это было бы возможно, не существуй он?

– Я его не вижу, – отвечала Энн. – И не могу поверить только потому, что ты говоришь, будто он здесь.

– Мама, Перри тестировали в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, – сказал Ричард. – Его способности были неоднократно подтверждены.

– Ричард, речь не об университетских тестах. Речь о твоём папе! О человеке, которого мы любили!

– Тем больше оснований... – начал Ричард.

– Нет. – Она покачала головой. – Просто не могу позволить себе в это поверить. Если поверю, а потом окажется, что это неправда, я умру тоже. Это меня убьет.

«О нет, только не это!» – подумал я, ощутив неожиданную слабость. На меня снова навалилась эта ужасная усталость. Я не ведал, было это вызвано тщетными попытками убедить Энн или ее неизбывной печалью. Знал лишь, что мне надо передохнуть. Предметы у меня перед глазами начали расплываться.

– Мама, все-таки попробуй! – попросил ее Ричард. – Неужели не хочешь даже попробовать? Перри говорит, мы можем увидеть папу, если...

– Энн, мне надо прилечь, – сказал я.

Я знал, что она меня не услышит, но все-таки произнес эти слова.

– Он разговаривает с вами, миссис Нильсен, – сообщил Перри. – А сейчас он над вами склонился.

Я сделал попытку поцеловать ее в голову.

– Вы это почувствовали? – спросил Перри.

– Нет, – с напряжением произнесла она.

– Он только что поцеловал ваши волосы, – сказал он.

Она прерывисто вздохнула и принялась тихонько плакать. Ричард вскочил с места, быстро направляясь к ней. Сев на подлокотник ее кресла, он притянул ее к себе.

– Все хорошо, мамочка, – пробормотал он. Потом с упреком взглянул на Перри. – Обязательно было это говорить?

Перри пожал плечами.

– Я сказал вам о том, что он сделал, вот и все. Мне жаль.

Теперь мое утомление быстро нарастало. Я хотел остаться, встать перед Перри, чтобы он читал по моим губам. Правда, сил у меня уже не было. Мое тело опять словно окаменело, и я отвернулся от них. Надо было отдохнуть.

– Хотите знать, что он сейчас делает? – спросил Перри.

В его тоне как будто звучало раздражение.

– Что?

Ричард с огорченным видом гладил Энн по волосам.

– Он входит в ваш бар. И постепенно исчезает. Похоже, теряет силы.

– Ты можешь позвать его назад? – спросил Ричард.

Я не мог больше этого слышать. Не знаю, как добрался до нашей спальни – каким-то непонятным путем. Помню только, что улегся с мыслью: «Почему я испытываю утомление, если у меня нет физического тела?»

Я открыл глаза. Было темно и тихо. Что-то потянуло меня, заставив встать.

Я сразу же почувствовал что-то новое в своих ощущениях. Раньше я ощущал свой вес. Теперь я был легким как пух. Я едва не парил по комнате, пройдя сквозь дверь.

В гостиной слышался голос Перри. Проплывая по заднему коридору, я пытался расслышать, что он говорит. Согласилась ли Энн на спиритический сеанс? Я надеялся, что да. Все, чего мне хотелось, – это знать, что она утешилась.

Я пересек семейную гостиную и оказался в баре.

Вдруг я замедлил шаги, в ужасе обратив взор в сторону гостиной.

Уставившись на себя.

Мой разум отказывался реагировать. Я был словно громом поражен. Я знал, что продолжаю стоять там, где стоял.

И все же я стоял также и в гостиной. Одетый в ту же одежду. Мое лицо, мое тело. Без сомнения, то был я.

Но как такое возможно?

Тут я понял, что не нахожусь в том теле. Я лишь видел его. Я приблизился, пристально глядясь. Эта фигура была похожа на труп. Лишенное выражения лицо.словно это моя восковая фигура из музея. Не считая того, что она медленно перемещалась, как робот, который вот-вот остановится.

Оторвав взгляд от фигуры, я осмотрел гостиную. Там были Энн, Ричард, Йен и Мэри, а также Перри, разговаривающий с фигурой. Я с досадой задавался вопросом, все ли они видят ее. Зрелище было отвратительным.

– Где ты? – спрашивал Перри.

Я взглянул на это подобие трупа. Его губы слегка зашевелились. Он пробормотал глухим, безжизненным голосом, совсем не моим:

– По ту сторону.

Перри сказал об этом семье. Он снова обратился к фигуре:

– Ты можешь описать место, где находишься?

Фигура не отвечала. Она переминалась с ноги на ногу, глаза ее вяло моргали. Наконец она заговорила.

– Холодно, – молвила она.

– Он говорит, что холодно, – сообщил Перри.

– Ты говорил, мы сможем его увидеть, – строгим голосом произнесла Мэри.

Я взглянул на Энн. Она в полном изнеможении сидела на диване между Йеном и Мэри. Ее белое лицо напоминало маску; она не отрывала глаз от своих рук.

– Пожалуйста, покажись всем, – попросил Перри фигуру.

Даже сейчас его голос звучал повелительно.

Фигура покачала головой и произнесла:

– Нет.

Не знаю, как это произошло, но я понял. Это существо не разговаривало самостоятельно. Оно лишь механически повторяло то, что подсказывало ему сознание Перри. Это никоим образом не был я. Это была марионетка, созданная усилием его воли.

Я сердито двинулся к Перри и встал перед ним, загораживая от него фигуру.

– Прекрати это, – сказал я.

– Почему ты не проявляешься? – спросил он.

Я уставился на него. Он меня больше не видел. Он смотрел сквозь меня на мою восковую копию. Точно так же, как смотрела сквозь меня Энн.

Вытянув руку, я попытался схватить его за плечо.

– Что ты наделал? – строго спросил я.

Он понятия не имел о моем присутствии. Когда я повернулся к Энн, он продолжал разговаривать с фигурой. Теперь она, дрожа, наклонилась вперед, прижав ладони к нижней части лица, вглядываясь во что-то безумными невидящими глазами.

«О господи, – с болью подумал я. – Теперь она никогда не узнает».

Существо отвечало своим монотонным голосом. Звук его вызывал во мне отвращение.

– Ты счастлив там? – спросил Перри.

– Счастлив.

– У тебя есть послание к жене? – спросил Перри.

– Будь счастлива, – пробубнила фигура.

– Он сказал: будь счастлива, – сообщил Перри.

Будто подавившись чем-то, Энн поднялась и выбежала из комнаты.

– Мама! – Йен устремился за ней.

– Не нарушайте круг! – закричал Перри.

Рассердившись, Мэри встала.

– Нарушить круг! Ты... идиот!

Она побежала вслед за Йеном.

Я смотрел на стоящую в нашей гостиной фигуру, напоминающую выцветший манекен. С глазами впавшего в ступор человека.

– Черт тебя побери, – пробормотал я.

Я вдруг подошел к этому существу.

Попытавшись схватить его, я с изумлением и отвращением обнаружил, что плоть его мертва и холодна.

С омерзением я ощутил, как оно хватает меня за руки, вцепляясь в меня ледяными пальцами. Я закричал от боли, но стал ему сопротивляться. Я боролся с собственным трупом, Роберт. Мое мертвое лицо находилось в нескольких дюймах от меня, мои мертвые глаза уставились на меня.

– Убирайся прочь! – закричал я.

– Прочь, – монотонно повторило существо.

– Будь ты проклят! – завопил я еще громче.

– Проклят, – пробубнило оно.

Объятый ужасом, чувствуя, как живот сводит судорога, я рывком освободился от его цепенящей хватки.

– Берегись, он падает! – крикнул Перри и вдруг завалился на спинку кресла, в котором сидел, пробормотав: – Пропал...

Так и было. Как только я освободился, фигура начала валиться в мою сторону и потом растворилась в воздухе прямо у меня перед глазами.

– Его что-то подтолкнуло, – сказал Перри.

– Ради бога, Перри.

Голос Ричарда дрожал.

– Можно мне выпить воды? – спросил Перри.

– Ты сказал, мы его увидим, – промолвил Ричард.

– Немного воды, Ричард! – умолял Перри.

Когда Ричард поднялся и пошел на кухню, я стал разглядывать Перри. Что с ним случилось? Как мог он быть таким уверенным в себе, а потом так ошибаться?

Я завернул на кухню, услышав бульканье наливаемой из бутылки минеральной воды. Прежде всего непонятно было, зачем Ричард позволил Перри втянуть себя во все это. Я понимал, что он хотел лишь помочь, но теперь все стало еще хуже, чем раньше.

Вернувшись назад, я сел около Перри.

– Послушай, – сказал я.

Он не пошевелился, а так и сидел, ссутулившись, с каким-то болезненным видом. Я дотронулся до его руки, но он никак не прореагировал.

– Перри, что с тобой происходит? – допытывался я.

Он неловко заерзал. Вдруг меня осенило, и я мысленно повторил вопрос.

Он нахмурился.

– Оставь меня в покое, – пробурчал он. – Все кончено.

– Кончено? – Мне захотелось тут же задушить его. – А как насчет моей жены? Для нее тоже все кончено?

Вспомнив, я мысленно повторил эти слова.

– Кончено, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Вот так.

Я начал придумывать следующее послание, но, едва начав, остановился. Он отключился, отгородившись от меня щитом воли.

Я видел, как вернулся Ричард и подал Перри стакан воды. Медиум выпил его залпом, не отрываясь, и вздохнул.

– Извини, – сказал он. – Не знаю, что произошло.

Ричард холодно на него посмотрел.

– А как же моя мать? – спросил он.

– Можем еще раз попробовать, – сказал Перри. – Я уверен...

Ричард прервал его сердитым возгласом.

– Она ни за что не согласится, – вымолвил он. – Что бы ты ей ни говорил, она не поверит.

Я встал и пошел прочь. Надо было уходить – и поскорее, без сомнения. Я больше ничего не мог поделать. В голове засела упорная мысль: «С этого момента мое присутствие здесь не имеет силы».

Существует что-то еще

Я сделал попытку выйти из дома; отправиться куда-нибудь, куда угодно. И все-таки, несмотря на то что тяжесть пропала и я чувствовал себя гораздо более крепким, я по-прежнему не мог освободиться. Я никак не мог уйти: отчаяние Энн удерживало меня, как тиски. Пришлось остаться.

В тот момент, когда я об этом думал, я снова оказался в доме. Гостиная была пуста. Время текло. Правда, я не знал, сколько его прошло; хронология была выше моего понимания.

Я вошел в гостиную. На диване перед камином лежала Джинджер. Я сел подле нее. Она даже не пошевелинулась. Я попытался погладить собаку по голове. Она продолжала крепко спать. Не знаю, как это произошло, но контакт был нарушен.

Удрученно вздохнув, я встал и отправился в нашу спальню. Дверь была открыта, и я вошел. На постели лежала Энн, а рядом с ней сидел Ричард.

– Мама, почему ты даже не допускаешь мысли о том, что это мог быть папа? – спрашивал он ее. – Перри клянется, что он там был.

– Давай больше не будем об этом говорить, – попросила она.

Я видел, что она опять плакала: глаза покраснели, веки припухли.

– Неужели это совсем невозможно? – спросил Ричард.

– Я в это не верю, Ричард, – промолвила она. – Вот и все. – Всматриваясь в его лицо, она добавила: – Я не отрицаю, что Перри может обладать определенными способностями. Но он не убедил меня в том, что после смерти существует что-то еще. Я знаю, что ничего нет, Ричард. Я знаю, что твой отец умер, и нам надо...

Она не смогла договорить; голос ее прервался от рыданий.

– Прощу тебя, не будем больше об этом говорить, – пробормотала она через какое-то время.

– Прости, мамочка. – Ричард наклонил голову. – Я лишь пытался помочь.

Она взяла его правую руку и, нежно поцеловав, прижала к щеке.

– Знаю, – пробормотала она. – Это было так мило с твоей стороны, но... – Голос ее стих, и она закрыла глаза. – Он умер, Ричард, – немного помолчав, сказала она. – Ушел от нас. И ничего с этим не поделаешь.

– Энн, я здесь! – закричал я.

Я огляделся по сторонам в приступе страшного гнева. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы дать ей знать? Я тщетно пытался поднять предметы с комода. Я уставился на маленькую шкатулку, пытаюсь сконцентрировать волю и передвинуть ее. Прошло немало времени, и она слегка дернулась, но я почувствовал, что измотан этим усилием.

– Боже правый.

Опечаленный, я вышел из комнаты и пошел по коридору, потом, повинуясь порыву, повернул назад к комнате Йена. Дверь была закрыта. Невеликое дело, как любит говорить Ричард. Я моментально прошел сквозь нее, и тут до меня дошла омерзительная догадка: я – привидение.

Йен с хмурым видом сидел за письменным столом, делая уроки.

– Ты меня слышишь, Йен? – спросил я. – Мы всегда были с тобой друзьями.

Он продолжал что-то писать в тетради. Я попытался погладить его по волосам, разумеется, тщетно. Я в отчаянии застонал. Что мне было делать? И все-таки я не мог заставить себя уйти. Меня удерживала печаль Энн.

Я оказался в ловушке.

Отвернувшись от Йена, я вышел из его комнаты. Несколько ярдов по коридору, и я прошел через закрытую дверь комнаты Мэри. Теперь я испытывал к себе отвращение. Прохождение сквозь двери казалось мне мерзким трюком на публику.

Мэри сидела за письменным столом и писала письмо. Я остановился около нее и стал ее разглядывать. Она такая прелестная девушка, Роберт, – высокая, белокурая, грациозная. К тому же талантлива: прекрасный певческий голос и безусловное умение держаться на сцене. Она усердно занимается в Академии драматического искусства, мечтая о театральной карьере. Я всегда был уверен в ее будущем. Профессия трудная, но Мэри настойчива. Я давно планировал помочь ей с деловыми связями, когда она закончит обучение. Теперь я не смогу этого сделать. Еще одно огорчение.

Немного погодя я заглянул в ее письмо.

Мы нечасто бывали вместе. То есть мы двое, особенно за последние несколько лет. Моя вина, не его. Он старался собрать нас вместе – на день или вечер. Они с Йеном проводили вместе целые дни – играли в гольф, ходили смотреть спортивные игры или в кино. Он и Ричард тоже проводили время вместе, часами болтая за ужином в ресторане, узнавая друг друга. Ричард тоже хочет писать, и папа всегда был готов ему помочь и поддержать.

Я выходила с ним в общество всего несколько раз. И всегда это было то, чего мне хотелось, – пьеса, фильм или концерт. Сначала мы шли ужинать, чтобы пообщаться. И всегда это доставляло мне удовольствие, но теперь я понимаю, что этого было недостаточно.

И все-таки, Венди, я всегда чувствовала близость к нему. Он всегда заботился обо мне, был терпимым и понимающим. Спокойно относился к моим поддразниваниям – ведь у него было замечательное чувство юмора. Я знаю, он меня любил. Иногда, бывало, обнимал меня и прямо говорил, что верит в мое будущее. Я посылала ему записки, в которых писала, что он «лучший папа на свете» и что я его люблю. Жаль, я не так часто произносила это вслух.

Вот если бы увидеть его сейчас. Сказать ему: «Папочка, спасибо за все...»

Она остановилась и стала тереть глаза; слезы капали на письмо.

– Придется его разорвать, – пробормотала она.

– О Мэри.

Я положил ладонь ей на голову. «Если бы только можно было прочесть ее мысли», – подумал я. Вот если бы она ощутила мое прикосновение и поняла, как я ее люблю.

Она снова принялась писать.

Прости, пришлось прерваться и вытереть глаза. Возможно, придется делать это еще несколько раз, пока не закончу письмо.

Теперь я думаю о маме. Папа так много для нее значил, и она значила для него так много. У них были замечательные отношения, Венди. Не думаю, что раньше говорила с тобой об этом. Они были абсолютно преданы друг другу. Если не считать нас, детей, им, казалось, никто был не нужен, кроме друг друга. Дело не в том, что они не встречались с другими людьми. Люди их любили и хотели их видеть, ты это знаешь; они были большими друзьями твоих родителей. Но для них эта близость была важнее всего на свете.

Смешно. Я разговаривала со многими детьми, и почти всем им трудно мысленно себе представить – даже подумать о том, что их родители занимаются любовью. Думаю, это чувство присуще всем.

Мне совсем не трудно было мысленно представить маму и папу вместе. Часто мы, бывало, видели, как они стоят рядом – на кухне, в гостиной, своей спальне, где угодно, – тесно прижавшись друг к другу, не говоря ни слова, как пара любовников. Иногда они стояли так даже в бассейне. И всегда они садились вместе – чтобы поговорить, посмотреть телевизор, не важно для чего: мама обычно прижималась к папе, он обнимал ее одной рукой, и ее голова лежала у него на плече. Они были такой чудной парой, Венди. Они... извини, опять слезы.

Потом. Прервусь, чтобы немного успокоиться. Так или иначе, я легко могла себе представить, как они занимаются любовью. Это казалось совершенно справедливым. Я помню каждый раз – разумеется, став достаточно взрослой, чтобы понимать, – как слышала тихий звук притворяемой двери в их спальню и отчетливый щелчок замка. Не знаю, как Луиза, Ричард или Йен, но у меня это всегда вызывало улыбку.

Не скажу, чтобы они никогда не ссорились. Они были обыкновенными людьми, в чем-то уязвимыми; оба отличались вспыльчивостью. Папа помогал маме освободиться от раздражительности, особенно после ее нервного срыва, – и знаешь, Венди, все эти годы он был ей поддержкой! Он помогал ей выпустить гнев, вместо того чтобы его сдерживать; говорил ей, чтобы она громко кричала, когда едет в машине. Она так и делала, и однажды Кэти так испугалась, что у нее едва не случился сердечный приступ. Она была на заднем сиденье машины, а мама, забыв о ее присутствии, начала кричать.

Даже если они и ссорились, ссора никогда не восстанавливала их друг против друга. Она всегда кончалась объятиями, поцелуями и смехом. Венди, иногда они вели себя как дети. Порой я чувствовала себя их матерью.

Знаешь, что еще? Я никому об этом пока не говорила. Я знаю, что папа нас любил и мама нас любит. Но между ними всегда было это «нечто», эта особая связь, к которой мы не смели прикасаться. Нечто драгоценное. Нечто не выразимое словами.

Не то чтобы мы от этого страдали. Нас никогда не оставляли без внимания. Мы не испытывали никаких лишений. Родители окружали нас любовью и поддерживали во всех наших начинаниях.

И все-таки в их отношениях было нечто особенное, заставлявшее их оставаться союзом двоих, в то время как наша семья была более обширным союзом людей, включавшим всех нас. Возможно, это не имеет смысла, но это правда. Не могу объяснить. Надеюсь только, что в моем замужестве будет то же самое. Как бы то ни было, надеюсь, в твоём браке это есть.

Подтверждением моих слов является то, что вначале я рассказывала в этом письме о папе, а под конец – о маме и папе. Потому что не могу говорить о нем, не вспомнив также и ее. Они всегда вместе. В этом все дело. Просто не могу себе мысленно представить ее без него.словно разделили на две части единое целое, и каждая половинка от этого потеряла. Будто...

Поняв кое-что, я вздрогнул.

На протяжении примерно четверти страницы письма я воспринимал ее слова прежде, чем она их записывала.

Внезапно меня осенило.

«Мэри, – подумал я. – Напиши то, что я тебе скажу. Запиши эти слова. „Энн, это Крис. Я все еще существую“».

Я направил на нее взгляд и стал повторять эти слова.

– Энн, это Крис. Я все еще существую.

Снова и снова направлял я эти слова в сознание Мэри, пока она писала.

– Запиши их, – говорил я ей. Я повторял слова, которые ей надо было записать. – Запиши их, – говорил я ей. – Запиши. – Снова повторял слова. – Пиши. – Повторял. Десять раз, еще и еще. – Запиши: «Энн, это Крис. Я все еще существую».

Я был настолько поглощен своим занятием, что подпрыгнул, когда Мэри судорожно вздохнула и отдернула руку от стола. Она в молчаливом оцепенении смотрела на бумагу; я тоже посмотрел вниз.

Она написала на листе бумаги: «Эннэтокрис. Явсеещесуществую».

– Покажи это маме, – в волнении сказал я ей.

Я сконцентрировался на словах. «Покажи это маме, Мэри. Прямо сейчас». Я быстро повторил эти слова несколько раз.

Мэри встала и пошла в сторону коридора с бумагой в руке.

– Вот так, вот так, – приговаривал я.

«Вот так», – подумал я.

Она вышла в коридор и повернула в сторону двери нашей спальни. Там она остановилась. В волнении следуя за ней, я тоже остановился. Чего она ждет?

Заглянув в дверь, Мэри увидела Энн и Ричарда. Энн все еще прижимала его ладонь к своей щеке. Глаза ее были закрыты – казалось, она спит.

– Отдай им письмо, – сказал я Мэри, поморщившись от звука собственного голоса.

«Отдай письмо, – мысленно приказал я ей. – Покажи его маме и Ричарду».

Мэри стояла неподвижно, уставившись на Ричарда и Энн с выражением сомнения на лице.

– Мэри, давай, – настаивал я, напрягаясь изо всех сил.

«Мэри, отдай его им, – подумал я. – Пусть они посмотрят».

Она повернула прочь.

– Мэри! – закричал я.

И тут же себя остановил. «Отдай им письмо!» – мысленно закричал я. Она заколебалась, потом повернула назад, в сторону нашей спальни. «Вот так, отдай ей письмо, – подумал я. – Отдай, Мэри. Сейчас».

Она стояла не двигаясь.

«Мэри, – мысленно умолял я, – ради бога, отдай письмо маме».

Она вдруг резко повернулась в сторону своей комнаты и поспешно направилась туда, пройдя сквозь меня. Я развернулся и побежал за ней.

– Что ты делаешь? – крикнул я. – Разве не слышишь?..

Мой голос замер, когда она смяла листок и бросила в корзину для мусора.

– Мэри! – в отчаянии повторил я.

Я в смятении уставился на нее. Почему она это сделала?

Но я понял, Роберт; понять это было нетрудно. Она подумала, что подсознательно проявила собственные мысли. Она не хотела заставить Энн страдать еще больше. Это было сделано из лучших побуждений. Но от этого разбилась моя последняя надежда сообщить Энн о моем существовании.

Меня захлестнула волна парализующей печали. «Боже правый, это, должно быть, сон! – думал я, вдруг возвращаясь к прежним мыслям. – Это не может быть правдой!»

Я прищурился. У себя под ногами я увидел табличку с надписью: «Кристофер Нильсен. 1927–1974». Как я сюда попал? Тебе когда-нибудь случалось очнуться в своей машине и с недоумением обнаружить, что ты заехал очень далеко и не помнишь, как это произошло? В тот момент у меня было подобное ощущение. Правда, я понятия не имел, что же там делаю.

Я пришел в себя довольно быстро. Рассудок мой кричал: «Этого не может быть в реальности!» Этот же рассудок знал, что существует способ выяснить все наверняка. Я уже однажды начинал это делать, но тогда меня что-то удержало. Сейчас меня ничто не остановит. Был лишь единственный способ узнать, сон это или реальность. Я начал спускаться под землю. Для меня это было не большим препятствием, чем двери. Я погрузился в темноту. И чтобы не сомневаться, продолжал думать. Я увидел гроб прямо под собой. «Как же я увижу в темноте?» – недоумевал я, но тут же постарался выбросить это из головы. Имело значение лишь одно: узнать. Я проскользнул в гроб.

Казалось, мой вопль ужаса многократно отражается от стенок могилы. Оцепенев, я с отвращением уставился на свое тело. Оно начало разлагаться. Мое напряженное лицо напоминало маску, застывшую в страшной гримасе. Кожа разлагалась, Роберт. Я увидел... нет, не надо. Не стоит вызывать в тебе такое же отвращение, какое испытал я.

Я закрыл глаза и, продолжая кричать, выбрался оттуда. Меня оведали холодные, влажные потоки. Открыв глаза, я осмотрелся. Опять туман, этот серый клубящийся туман, от которого не было спасения.

Я побежал. Должен же он где-то кончиться. Чем дальше я бежал, тем гуще становился туман. Я повернул и побежал в обратном направлении, но это не помогло. Туман сгущался. Я мог рассмотреть что-то лишь на расстоянии нескольких дюймов. Я зарыдал. В этой мгле можно блуждать вечно! Я в страхе закричал:

– Помогите! Пожалуйста!

Из сумрака появилась фигура: опять тот человек. У меня было ощущение, что я его знаю, хотя лицо было незнакомо. Я подбежал к странному человеку и схватил его за руку.

– Где я? – спросил я.

– В месте, которое ты сам придумал, – ответил он.

– Я тебя не понимаю!

– Сюда тебя привело твое сознание, – сказал он. – И удерживает тебя здесь.

– Мне придется здесь остаться?

– Вовсе нет, – сказал он. – Можешь в любой момент разорвать эту связь.

– Каким образом?

– Надо сконцентрироваться на чем-то, что находится вовне.

Я начал уже задавать следующий вопрос, когда почувствовал, как меня опять призывает печаль Энн. Я не мог оставить ее в одиночестве. Не мог.

– Ты ускользаешь прочь, – предостерегающе произнес человек.

– Я не в силах просто так оставить ее, – сказал я.

– Придется, Крис, – откликнулся он. – Либо ты пойдешь дальше, либо останешься таким, как есть.

– Не могу просто так оставить ее, – повторил я.

Прищурившись, я осмотрелся по сторонам. Человек пропал. Так быстро, что казалось, он – плод моего воображения.

Я опустил на холодную сырую землю, чувствуя себя безвольным и несчастным. «Бедная Энн, – думал я. – Теперь ей придется начать новую жизнь. Все наши планы нарушены. Места, которые мы собирались посетить, захватывающие проекты, которые мы планировали. Написать вместе пьесу, сочетая ее поразительную память о прошлом и интуицию с моими способностями. Купить где-нибудь лесной участок, где она могла бы фотографировать жизнь природы, а я – писать об этом. Купить передвижной домик и путешествовать по стране в течение года, чтобы многое повидать. Посетить, наконец, места, о которых всегда говорили, но еще не видели. Быть вместе, наслаждаясь жизнью и обществом друг друга».

Теперь все было кончено. Она осталась одна; я ее потерял. Мне нужно было жить. Я сам виноват в том, что погиб. Я был глупым и легкомысленным. Теперь она осталась одна.

Я не заслуживал ее любви. Растратил попусту многие мгновения жизни, которые мы могли бы провести вместе. Теперь я загубил оставшееся у нас время.

Я ее предал.

Чем больше я об этом думал, тем более отчаивался. «Почему она не права в своем убеждении?» – с горечью думал я. Лучше бы смерть была концом, прекращением всего. Все, что угодно, только не это. Я чувствовал, что теряю надежду, что меня опустошает отчаяние. Существование теряло смысл. Зачем все это продолжать? Бесполезно и бессмысленно.

Не знаю, сколько времени я так сидел в раздумье. Роберт, мне это казалось вечностью – один, покинутый в ледящем, скользком тумане, погруженный в глубокую печаль.

Прошло очень много времени, прежде чем ход моих мыслей начал меняться. Много времени прошло, прежде чем я вспомнил слова того человека: я могу покинуть это место, сконцентрировавшись на чем-то вовне. И что же было вовне?

«Разве это имеет значение?» – думал я. Что бы это ни было, хуже быть не может.

«Ладно, тогда попробуй», – сказал я себе.

Я закрыл глаза и попытался представить место лучше этого. Солнечный свет, тепло, траву и деревья. Место, похожее на те места, куда мы все эти годы обычно брали с собой наш дом-автоприцеп.

Наконец я мысленно остановился на опушке леса из красных деревьев в Северной Калифорнии, где мы шестеро – Энн, Луиза, Ричард, Мэри, Йен и я – стояли однажды августовским вечером в сумерках, затаив дыхание, прислушиваясь к всеобъемлющей тишине природы.

Мне показалось, я почувствовал, как мое тело пульсирует – вперед, вверх. Я в испуге открыл глаза. И я смог это вообразить? Я снова закрыл глаза и попробовал еще раз, представляя себе эту огромную спокойную опушку.

Я ощутил, как мое тело снова завибрировало. Это было правдой. Какое-то непостижимое давление – слабое, но настойчивое – подталкивало и приподнимало меня сзади. Я чувствовал, как мое дыхание становится все мощнее, причиняя мне боль. Я еще более сконцентрировался, и движение ускорилось. Я мчался вперед, мчался вверх. Ощущение было тревожным, но и воодушевляющим. Теперь мне не хотелось его терять. Впервые после аварии я почувствовал внутри проблеск покоя. И начало познания – удивительное прозрение.

Существует что-то еще.

Страна вечного лета

Продолжение на другом уровне

Я открыл глаза и посмотрел вверх. Над головой я увидел зеленую листву и просвечивающее сквозь нее голубое небо. Никаких признаков тумана. Я сделал глубокий вдох: воздух был прохладным и бодрящим. На лице чувствовалось легкое дуновение ветерка.

Я сел и осмотрелся по сторонам. Оказывается, подо мной была травянистая лужайка, а рядом – ствол дерева. Вытянув руку, я прикоснулся к коре. И почувствовал, как от нее исходит какая-то энергия.

Потом я потрогал траву. Она выглядела безупречно ухоженной. Я отодвинул в сторону кусок дерна и осмотрел почву. Ее цвет дополнял оттенок травы. Никаких сорняков не было.

Сорвав травинку, я поднес ее к щеке. И тоже ощутил идущую от нее слабую энергию. Я вдохнул тонкий аромат, положил травинку в рот и стал жевать, как, бывало, делал это в детстве. Но никогда в детстве не приходилось мне пробовать такую траву.

Потом я заметил, что на земле нет теней. Я сидел под деревом, но не в его тени. Я этого не понимал и стал искать на небе солнце.

Его не было, Роберт. Был свет без солнца. Я в замешательстве осмотрелся. По мере того как мои глаза постепенно привыкали к свету, я стал всматриваться в сельский пейзаж. Никогда не видел подобного ландшафта: великолепная перспектива зеленых лужаек, цветов и деревьев. Я подумал, что Энн это понравилось бы.

И тогда я вспомнил. Энн ведь по-прежнему жива. А я? Я стоял, прижимая к твердому стволу дерева обе ладони. Впечатав подошвы ботинок в землю. Я был мертв; сомнений не оставалось. И все же я стоял здесь, воплощенный в теле с прежними ощущениями, имеющий прежний вид, и даже одетый, как при жизни. Стоял на этой вполне реальной земле на фоне вполне осязаемого пейзажа.

«И это смерть?» – подумал я.

Я перевел взгляд на свои руки: линии, рубчики, складки кожи, – потом внимательно осмотрел ладони. Как-то я проштудировал книгу по хиромантии, так, ради смеха, чтобы веселить народ на вечеринках. Так что свои ладони я изучил как следует.

Они оставались прежними. Линия жизни была все такой же длинной. Помню, как показывал ее Энн и говорил, что волноваться не стоит – я проживу долго. Будь мы вместе, мы могли сейчас посмеяться над этим.

Я повернул руки ладонями вниз и увидел, что кожа и ногти розовые. Во мне текла кровь. Мне пришлось встряхнуться, чтобы убедиться в том, что я не сплю. Я поднес правую руку к носу и рту и почувствовал, как из легких теплыми толчками выходит воздух. Прижав к груди два пальца, я нашел нужное место.

Сердцебиение, Роберт. Как и всегда.

Я резко повернулся, заметив рядом какое-то движение. На дерево опустилась необычная птица с серебристым оперением. Похоже, она совсем меня не боялась, сидя рядом. «Волшебное место», – подумал я. Я пребывал в изумлении. «Если это сон, – говорил я себе, – надеюсь, я никогда не проснусь».

Я вздрогнул, увидев бегущее ко мне животное – собаку, как я понял. Первые несколько мгновений она не выражала никаких эмоций. Потом вдруг помчалась ко мне.

– Кэти! – закричал я.

Она мчалась ко мне, тоненько повизгивая от радости. Я уже много лет не слышал этого восторженного визга.

– Кэти... – прошептал я.

Я упал на колени, чувствуя, как из глаз полились слезы.

– Старушка Кэти.

И вот она уже рядом, в восторге прыгает, лижет мои руки. Я прижал ее к себе.

– Кэти, старушка Кэти. – Я едва мог говорить. Она вилась около меня, поскуливая от радости. – Кэти, это и правда ты? – бормотал я.

Я присмотрелся к ней внимательнее. Последний раз я видел ее в ветеринарной клинике. Ей сделали укол, и она лежала на левом боку с остановившимся взглядом. Лапы ее произвольно подергивались. Мы с Энн приехали к ней по звонку врача, а потом стояли у открытой клетки и гладили ее, чувствуя себя ошеломленными и беспомощными. На протяжении почти шестнадцати лет Кэти была нашим хорошим другом.

Сейчас она была той Кэти, которую я помнил со времени, когда подрастал Йен, – живой, полной энергии, с блестящими глазами и забавной, как будто улыбающейся мордочкой. Я с восторгом обнимал ее, думая о том, как была бы счастлива Энн ее увидеть, как счастливы были бы дети, особенно Йен. В тот день, когда она умерла, он был в школе. Вечером я застал его сидящим на постели с мокрыми от слез глазами. Они с Кэти вместе выросли, а ему не пришлось с ней даже попрощаться.

– Вот если бы он тебя сейчас увидел, – сказал я, прижимая ее к себе в восторге от нашей встречи. – Кэти, Кэти.

Я гладил ей голову и спину, чесал чудесные висячие уши. И ощущал прилив благодарности к силе – не важно какой, – приведшей Кэти ко мне.

Теперь я знал, что это замечательное место.

Трудно сказать, сколько времени мы там пробыли. Кэти лежала рядом со мной, устроив теплую голову у меня на коленях, время от времени потягиваясь и вздыхая от удовольствия. Я продолжал гладить ее, все еще находясь в блаженном состоянии. Мне так хотелось, чтобы Энн была с нами.

Прошло немало времени, прежде чем я заметил дом. Странно, как мог я не обратить на него внимания раньше; он стоял всего лишь в сотне ярдов. Такой дом мы с Энн всегда планировали когда-нибудь построить: из дерева и камня, с огромными окнами и просторной террасой, с которой открывается вид на сельский ландшафт.

Меня немедленно к нему потянуло, сам не знаю почему. Поднявшись, я направился к нему, а Кэти вскочила и пошла рядом.

Дом стоял на поляне в обрамлении красивых деревьев – сосен, кленов и берез. Снаружи не было ни стены, ни забора. К своему удивлению, я заметил, что входной двери нет, а то, что я принял за окна, – только проемы. Я заметил также отсутствие труб и проводки, плавких предохранителей, водосточных желобов и телевизионных антенн. Дом в целом гармонировал с окружающим пространством. Мне в голову пришла мысль, что Фрэнк Ллойд Райт¹ одобрил бы такое сооружение. Мне это показалось забавным, и я улыбнулся.

– По сути дела, он мог бы спроектировать такой дом, Кэти, – сказал я.

Собака взглянула на меня, и на долю секунды мне показалось, что она меня понимает.

Мы вошли в сад, расположенный рядом с домом. В центре красовался фонтан, сделанный из какого-то белого камня. Подойдя к нему, я опустил руки в кристально чистую воду. Она была прохладной и, так же как ствол дерева и травинка, излучала поток энергии. Я сделал глоток. Никогда не пробовал такой освежающей воды.

– Хочешь, Кэти? – спросил я, посмотрев на собаку.

¹ Американский архитектор, основоположник органической архитектуры.

Она не шевельнулась, но у меня возникло другое впечатление: что вода ей больше не нужна. Снова повернувшись к фонтану, я зачерпнул воду ладонями и плеснул себе в лицо. Невероятно, но капли сбегали с моих рук и лица, словно я был водонепроницаемым.

Удивляясь каждому новому сюрпризу этого места, я направился вместе с Кэти к цветочной клумбе и наклонился, чтобы понюхать цветы. У них был чудесный нежный аромат. Оттенки отличались радужным разнообразием и к тому же переливались. Я поднес ладони к золотистому цветку с желтой окаемкой и почувствовал покалывание от энергии, поднимающейся вверх по рукам. Я подносил ладони к одному цветку за другим. Каждый отдавал мне поток едва ощутимой энергии. Мое изумление еще больше усилилось, когда я понял, что цветы издают также тихие гармоничные звуки.

– Крис!

Я быстро обернулся. В саду появился сияющий ореол. Я взглянул на Кэти, которая завиляла хвостом, потом вновь посмотрел на свет. Мои глаза постепенно привыкли, и свет начал меркнуть. Ко мне приближался человек, которого я видел – сколько же раз? Было даже не припомнить. Я никогда раньше не замечал его одежду: белая рубашка с короткими рукавами, белые брюки и сандалии. Он с улыбкой подошел ко мне с раскрытыми для объятия руками.

– Я почувствовал, что ты недалеко от моего дома, и сразу же пришел, – молвил он. – Ты это сделал, Крис.

Он тепло меня обнял, потом отстранился, по-прежнему улыбаясь. Я взглянул на него.

– Ты... Альберт? – спросил я.

– Верно.

Он кивнул.

Это был наш кузен, мы всегда звали его Бадди². Он выглядел великолепно, насколько я помню его появления в нашем доме, когда мне было лет четырнадцать. Сейчас он казался даже более энергичным.

– Ты так молодо выглядишь, – заметил я. – Тебе не дашь больше двадцати пяти.

– Оптимальный возраст, – ответил он.

Ответа я не понял.

Когда он наклонился, чтобы погладить Кэти по голове и поздороваться с ней – меня удивило, что он знает ее, – я уставился на одну вещь, о которой еще не упоминал. Всю его фигуру окружал сияющий голубой ореол, пронизанный белыми искрящимися огоньками.

– Привет, Кэти. Рада его видеть, да? – спросил он.

Он снова погладил собаку по голове, потом с улыбкой выпрямился.

– Тебя интересует моя аура, – сказал он.

Я с удивлением улыбнулся.

– Да.

– Она есть у всех, – объяснил он. – Даже у Кэти. – Он указал на собаку. – Ты не заметил?

Я с удивлением посмотрел на Кэти. Я действительно не заметил, хотя теперь, после слов Альберта, это стало очевидным. Аура была не такой яркой, как у него, но совершенно четкой.

– По ауре нас можно распознать, – сказал Альберт.

Я посмотрел на себя.

– А где же моя? – спросил я.

– Никто не видит свою собственную, – пояснил он. – Это мешало бы.

Я этого тоже не понял, но в тот момент меня мучил другой вопрос.

– Почему я не узнал тебя, когда умер? – спросил я.

– Ты был в смятении, – ответил он. – Наполовину проснувшийся, наполовину спящий, в каком-то неясном состоянии.

² Дружище (англ.).

– Это ведь ты в больнице советовал мне не сопротивляться, правда?

Он кивнул.

– Правда, ты слишком сильно сопротивлялся, чтобы меня услышать, – сказал он. – Боролся за жизнь. Помнишь смутный силуэт, стоящий у твоей постели? Ты видел его, хотя глаза у тебя были закрыты.

– Так это был ты?

– Да. Я пытался прорваться, – объяснил он. – Сделать твой переход менее болезненным.

– Боюсь, не очень-то я тебе помог.

– Ты и себе не мог помочь. – Он похлопал меня по спине. – Тебя все это сильно травмировало. Жаль, ты не получил облегчения. Обычно людей встречают сразу же.

– Почему же не встретили меня?

– До тебя было никак не добраться, – сказал он. – Ты очень стремился найти жену.

– Я чувствовал, что должен, – вымолвил я. – Она была так напугана.

Он кивнул.

– Ты проявил большую самоотверженность, но из-за этого оказался в ловушке на пограничной полосе.

– Это было ужасно.

– Знаю. – Он ободряюще сжал мое плечо. – Но могло быть гораздо хуже. Ты мог задержаться там на месяцы или годы – даже на столетия. Не такой уж редкий случай. Если бы не позвал на помощь...

– Ты хочешь сказать, пока я не захотел, чтобы мне помогли, ты ничего не мог поделать?

– Я пытался, но ты отвергал мою помощь. – Он покачал головой. – И только когда меня достигли вибрации твоего зова, появилась надежда на то, что удастся тебя убедить.

Тогда до меня дошло; не знаю, почему я так долго не мог догадаться. Я с благоговением огляделся по сторонам.

– Так это... небеса?

– Небеса. Отчизна. Жатва. Страна вечного лета, – ответил он. – Выбирай.

Я понимал, что это прозвучит глупо, но хотел знать.

– Это – страна? Образ существования?

Он улыбнулся.

– Образ мыслей.

Я посмотрел на небо.

– Никаких ангелов, – констатировал я, отдавая себе отчет в том, что это шутка лишь наполовину.

Альберт рассмеялся.

– Можешь ты вообразить себе нечто более неуклюжее, чем притороченные к лопаткам крылья?

– Так что – таких вещей не существует?

Понимая, что спрашивать наивно, я не мог удержаться от этого вопроса.

– Существуют, если человек в них верит, – сказал он, снова приводя меня в смущение. – Как я сказал, это образ мыслей. Что говорится в изречении на стене твоего офиса? То, во что ты веришь, становится твоим миром.

Я был поражен.

– Так ты об этом знаешь?

Он кивнул.

– Каким образом?

– Объясню в свое время, – пообещал он. – А сейчас я хочу лишь доказать то, что наши мысли действительно становятся нашим миром. Ты думал, это относится только к Земле,

но здесь это еще более уместно, потому что смерть – переход сознания с физического уровня на психический, настройка на более тонкие поля вибрации.

Я представлял себе то, о чем он говорит, но не был вполне уверен. Думаю, это отразилось на моем лице, потому что он с улыбкой спросил:

– Непонятно? Объясню по-другому. Разве жизнь человека хоть как-то изменяется, когда он снимает пальто? Она не меняется и тогда, когда смерть лишает его оболочки в виде тела. Он остается той же самой личностью. Не более мудрой. Не более счастливой. Не более свободной. Такой же, как прежде.

Смерть – всего лишь продолжение жизни на другом уровне.

На пороге дома Альберта

И тогда меня осенило. Не могу понять, почему не подумал об этом раньше – наверное, на меня обрушилось слишком много удивительного, с чем предстояло свыкнуться, так что эта мысль пришла ко мне только сейчас.

– Мой отец, – сказал я, – твои родители. Наши дяди и тети. Они все здесь?

– «Здесь» – слишком большое место, Крис, – заметил он с улыбкой. – Если ты хочешь спросить, существуют ли они, то да, конечно.

– Где они?

– Надо проверить, – ответил он. – Единственные люди, о ком я знаю наверняка, – это моя мать и дядя Свен.

При упоминании имени дяди на меня нахлынуло радостное чувство. В памяти возник его образ: голова с блестящей лысиной, яркие глаза, сверкающие за стеклами очков в роговой оправе, оживленное лицо и бодрый голос, неисчерпаемое чувство юмора.

– Где он? – спросил я. – Чем занимается?

– Работает с музыкой, – ответил Альберт.

– Разумеется. – Я не удержался от улыбки. – Он всегда любил музыку. Можно с ним повидаться?

– Конечно. – Альберт улыбнулся в ответ. – Устрою вашу встречу, как только ты немного привыкнешь.

– И с твоей матерью тоже, – сказал я. – Я знал ее не очень хорошо, но обязательно хотел бы повидаться.

– Я это устрою, – пообещал Альберт.

– Ты говорил, «надо проверить». Что ты имел в виду? – спросил я. – Разве семьи не остаются вместе?

– Не обязательно, – ответил он. – Земные связи здесь значат меньше. Родство мыслей, а не крови – вот что важно.

И снова я испытал благоговение.

– Мне надо рассказать об этом Энн, – заявил я. – Сообщить ей, где я нахожусь, – и что все в порядке. Мне хочется этого больше всего.

– Это действительно невозможно, Крис, – сказал Альберт. – Ты не сможешь с ней связаться.

– Но я это почти сделал.

Я рассказал ему, как заставил Мэри записать мое послание.

– Вы двое, похоже, очень близки, – заметил он. – Она показала письмо своей матери?

– Нет. – Я покачал головой. – Но я могу еще раз попробовать.

– Она сейчас вне досягаемости, – возразил он.

– Но мне необходимо дать ей знать.

Альберт положил руку мне на плечо.

– Она довольно скоро будет с тобой, – деликатно сообщил он мне.

Я не знал, что сказать еще. Меня ужасно угнетала мысль о том, что не осталось способа дать Энн знать о том, что со мной все хорошо.

– А что ты думаешь о таких людях, как Перри? – спросил я, вдруг вспомнив о нем.

Я рассказал Альберту о медиуме.

– Вспомни, что тогда вы с ним были на одном и том же уровне, – сказал Альберт. – Сейчас он бы тебя не воспринял.

Заметив выражение моего лица, он обнял меня за плечи.

– Она будет здесь, Крис, – повторил он. – Гарантирую это. – Он улыбнулся. – Вполне понимаю твои чувства. Она очаровательна.

– Ты о ней знаешь? – с удивлением спросил я.

– О ней, о ваших детях, о Кэти, твоей работе, обо всем, – сказал он. – Я провел с тобой более двадцати лет. То есть земного времени.

– Провел со мной?

– Люди на Земле не бывают в одиночестве, – объяснил он. – У каждого человека всегда есть свой спутник.

– Ты хочешь сказать, ты был моим ангелом-хранителем?

Фраза получилась избитой, но ничего другого в голову не пришло.

– «Спутник» подходит лучше, – сказал Альберт. – Понятие ангела-хранителя было придумано в древности. Тогда человек угадывал правду о спутниках, но неверно истолковывал их суть из-за религиозных верований.

– У Энн тоже есть такой? – спросил я.

– Разумеется.

– Тогда разве ее спутник не может ей сообщить обо мне?

– Будь она для этого открыта, тогда – да, легко, – ответил он.

Я понял, что выхода нет. Ее ограждал скептицизм.

Еще одна мысль, вызванная тем, что я узнал о близком соседстве Альберта на протяжении двух десятилетий. Я испытал чувство стыда, когда понял, что он был свидетелем многих моих не совсем благовидных поступков.

– С тобой все было в порядке, Крис, – успокоил он меня.

– Ты читаешь мои мысли? – спросил я.

– Что-то в этом роде, – ответил он. – Слишком не переживай по поводу своей жизни. Твои ошибки повторяются в жизни миллионов мужчин и женщин, по сути своей хороших людей.

– Мои ошибки в большинстве своем касались Энн, – признался я. – Я всегда любил ее, но слишком часто подводил.

– В основном в молодые годы, – прибавил он. – Молодые чересчур заняты собой, чтобы по-настоящему понять своих близких. Одного только стремления сделать карьеру достаточно, чтобы разрушить способность к пониманию. То же произошло и со мной. Мне так и не довелось жениться, потому что подходящую девушку я встретил, когда был еще слишком юн. Но мне не удавалось хорошенько понять мать, отца и сестер. Как звучит фраза из той пьесы? «Продается вместе с участком»?³

³ Цитата из пьесы А. Миллера «Смерть коммивояжера» (1949).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.